

Борис Вахтин

Через места, где живут опоздавшие

Через места где живут Опоздавшие

Борис
Вахтин

...Нормальный город полон торгопливых людей, и в нём даже попадаютются такие несчастные, которые и в воскресные дни, закончив все дела и гуляя, по привычке спешат... А тут – целый город опоздавших! Солнце ходит как попало, все часы стоят, никто нигде не спешит, потому что все уже давно всюду опоздали. И в центре города – каменная Башня времени, высоченная, как тополь...

Б.Вахтин "Через места, где живут опоздавшие"

9 785845 204578 >

ББК 84(2Рос=Рус)
В 22

Художники Катя Толстая, Настя Фомичёва

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

БОРИС ВАХТИН

через
места,
где живут
Опоздавшие

п о в е с т ь - с к а з к а

Санкт-Петербург
2011

Разноцветные платки Начальника вокзала

– Скорей-скорей! – говорила ему мама. – Давай-давай!

Она говорила два слова вместо одного – всегда, когда говорила с ним.

Маленького, мама вечно тащи-ла его за руку, и вид у неё был такой, словно она идёт про-тив бури. Она глядела прямо перед собой и думала о чём-то важном. Он бы тоже с удовольствием думал о чём-нибудь важном, но у него не получалось. И он шёл медленно, глаза по сторонам, и думал о чём попало. Когда мама начина-ла его тащить, он закрывал глаза, закидывал голову и пред-ставлял себе, что не спешит.

– Перестань-перестань! – дергала его за руку мама. И он переставал.

– Смотри! – говорил он маме.

– Вижу-вижу, – отвечала мама, не взглянув. – Скорей-скорей!

А он не умел скорей.

И чем больше его торопили, тем больше он не торопился.

Не торопился и всегда опаздывал.

Опаздывал в школу и опаздывал из школы, опаздывал начать обедать и опаздывал кончать обедать, утром опаздывал встать, а вечером опаздывал лечь.

По вечерам мама говорила:

– Закрой глаза, закрой глаза! Спи-спи!

И он закрывал глаза. Мама уходила, а он лежал с закрытыми глазами и думал.

Конечно, если бы у него был мотоцикл, он бы всюду успевал. По шоссе, за город, где со страшной скоростью мчатся автомобили.

Там за рулём огромного самосвала сидит тот шофёр в оранжевой майке, который сегодня копался в своей машине, когда он опаздывал в школу, и с которым он так хорошо поразговаривал о моторе. И на мотоцикле он обгоняет этот самосвал, и шофёр наклоняется над рулём,

и он тоже наклоняется над рулём, расставив локти, как гонщик, и он перегоняет самосвал, зелёный пыльный самосвал с оранжевым шофёром за рулём, и его мотоцикл та-рахтит, как пулемет:
дрррррррррррр...

— Это что, это что? — появлялась мама. — Спи-спи. Скорей-скорей.

Звали его Ник. Ему было десять лет. И он вечно всюду опаздывал.

У него был друг по имени Глеб. Глеб больше всего на свете любил географию. В комнате у Глеба стоял гигантский глобус. Глеб лазил по глобусу, как червячок по арбузу. Капельки пота выступали у него на носу и падали в океаны и на материки.

Глеб никогда никуда не опаздывал.

— Как же опаздывать, — говорил он Нику, — если готовишься в кругосветное путешествие? Хорошо известно людям, что все кругосветные путешествия происходят точно по расписанию, а путешественники едут очень быстро. Хочешь попасть в Бомбей?

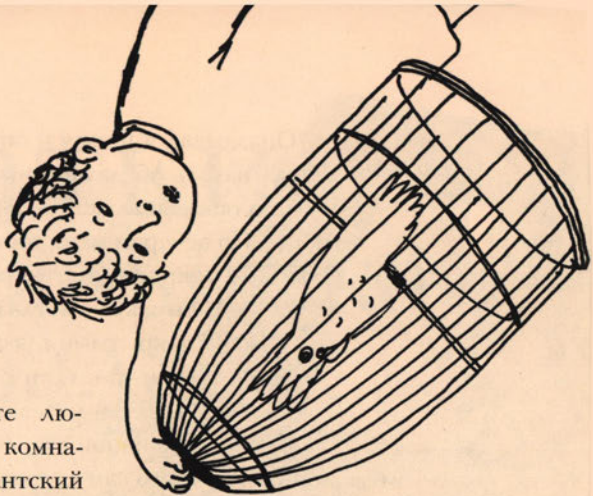
— Хочу, — говорил Ник.

— К этому надо готовиться, — говорил Глеб и лез на глобус.

Однажды папа и мама уезжали по своим срочным делам, а Нику ещё неделю нужно было ходить в школу. И через неделю он должен был самостоятельно сесть в поезд и самостоятельно приехать к родителям.

— Это твой билет, видишь? — сказала мама, уезжая. — Я кладу его туда, куда всегда кладут билеты и другие важные документы — в шкатулку. Видишь?

— Да, — сказал Ник, внимательно глядя на маму. Так внимательно, что лицо у мамы даже расплылось,

а глаз стало четыре – то два, то четыре, то два, то четыре, если то всматриваться, то не всматриваться.

– Ты не забудешь? – спрашивала многоглазая мама. – Ты уже совсем большой? Ты не забудешь, что ты уже совсем большой? Ты все сделаешь, как я сказала?

Мама повторила эти слова много-много раз и уехала с папой по своим срочным делам.

Когда Ник сдвинул все комнаты вещи в один угол, то стало много свободного места – как в цирке на арене. Если по этой арене мчаться вкруговую на велосипеде, то всё начинало мелькать и меняться, как в калейдоскопе.

Всё мелькало и менялось, как в калейдоскопе, когда раздался звонок в дверь.

Пришёл Глеб. В руках он нёс клетку с попугаем.

– Ты что? – спросил его Ник, останавливаясь.

– Я пришёл тебя провозжать, – сказал Глеб. – Мы сами сегодня уезжаем с отцом путешествовать.

– А попугай этот твой? – спросил Ник.

– Это я тебе принёс, – сказал Глеб. – В дороге он тебе пригодится.

– А что он ест?

– Всё ест, – сказал Глеб. – Крошки ест, мух, кашу. В дороге он тебе безусловно пригодится. Ты ведь сегодня уезжаешь?

– Сегодня? – спросил Ник. Ему даже душно стало. Он забыл, что сегодня, ему казалось, что потом.

Он схватил чемоданчик, уложенный мамой, взял билет и вышел на улицу. Глеб шёл следом и нёс клетку с попугаем.

На вокзале было тихо и пустынно. На перроне одиноко стоял Начальник вокзала.

– А поезд уже ушёл? – спросил Ник.

– Ушёл, – сказал Начальник вокзала. Он достал огромный красный носовой платок и высморкался. – Поезд давно ушёл.

– Я опоздал, – сказал Ник.

Начальник достал большой зеленый платок и сказал:

– Поезда не ждут. Это железная дорога.

И высморкался в зелёный платок.

– У него есть билет, – сказал Глеб.

– Послезавтра приходи, – сказал Начальник вокзала, – и я отправлю тебя по этому же билету.

– Почему вы так часто сморкаетесь? – спросил Ник.

– На железной дороге очень сквозит, – уклончиво ответил Начальник вокзала.

Может быть, в нос ему попал едкий дым паровоза, может быть, у него на самом деле был насморк от сквозняка на железной дороге, но только он очень сморкался. И, видно, нравилось ему сморкаться.

Ник решил не опоздать и думать всё время о поезде. И он думал всё время, думал так упорно, что устал думать и забыл, да так крепко забыл, что вспомнил только послезавтра поздно вечером, когда поезд уже ушёл.

Снова сморкающийся Начальник вокзала разрешил ему поехать следующим поездом, и снова Ник опоздал, потому что в стенных часах кончился завод и они остановились, а он видел, что ещё только четыре часа, и всё время было четыре часа и четыре, а потом стемнело...

И пошло! Начальник вокзала звонил ему по телефону, присылал за ним машину, один раз даже сам приезжал. Ничто не помогало – Ник опаздывал.

От мамы шли такие телеграммы:

«Возьми
тёти Кати будильник
поставь
шесть часов вечера
сиди комнате
когда зазвонит
поезжай на вокзал».
«Билет шкатулке столике
левом углу лицом двери».

Мама не понимала, что совсем не в этом дело! Билет давно лежал у него в кармане, а столик он поставил на шкаф, чтобы не мешал играть, а тётя Катя сама принесла ему будильник, и будильник сломался и стал непрерывно звонить, и ему ужасно захотелось починить его и он понёс будильник к ребятам во двор, чтобы посоветоваться, и вот тут-то и приезжал Начальник вокзала.

Как-то, когда он опоздал в очередной раз, Начальник вокзала сказал:

- Завтра тебе не удастся опоздать.
- Почему завтра? Ведь мой поезд послезавтра?
- Приходи завтра. Сядешь в особенный поезд.
- Какой? – спросил Ник.
- Особенный поезд, – сказал Начальник вокзала задумчиво. – Он подбирает по разным

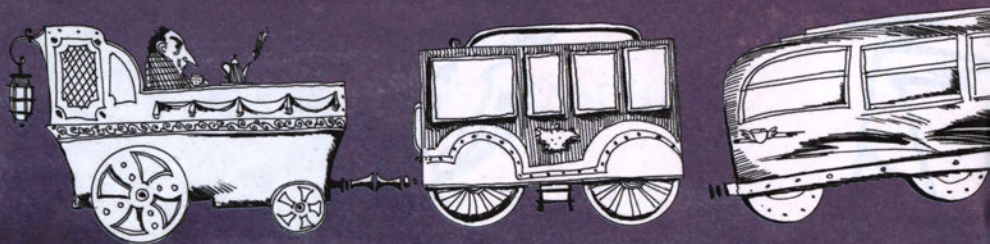
местам опоздавших и развозит, кому куда надо. Он ходит очень редко. Я его вызвал специально для тебя.

– А на него я не опоздаю?

– Нет, – ответил Начальник вокзала. – На него ты не опоздаешь. Он придёт специально за тобой. Специально.

Он вынул огромный жёлтый платок и высморкался.

– А почему у вас платки разные? – спросил Ник.

– Чтобы мне не было скучно сморкаться, – ответил уклончиво Начальник вокзала.

– А почему нельзя сделать так, чтобы было много-много поездов? Чтобы каждую минуту был поезд? Тогда я не опоздал бы.

– Тогда поезда натыкались бы друг на друга, – сказал Начальник вокзала.

– А если для каждого поезда положить отдельные рельсы?

– Не поместятся на земле, – сказал Начальник вокзала. – Тесно будет.

– А если маленький поезд, из одного вагончика?

– Всё равно места не хватит.

– Жаль, – сказал Ник.

На следующий день Начальник вокзала встретил его у входа.
– Поезд ждёт, – сказал он. – Поезд для опоздавших. Он отвезёт тебя, куда надо.

– А мама знает, что я еду? – спросил Ник. – Она будет беспокоиться.

– Не будет, – сказал Начальник вокзала. – Я дам ей телеграмму.

Они вышли на перрон. У перрона стоял необычный поезд. Все вагоны в нём были разные. Первым был почтовый вагон, к нему прицепили красивый цельнометаллический вагон, по синим бокам которого сверкали стальные молнии. Чем ближе к хвосту, тем старше становились вагоны, а самым последним было сооружение, похожее на открытую со всех сторон карету. В ней сидел единственный пассажир, он ни на кого не глядел, кутался в плед и пил чай.

– До свидания, – сказал Ник Начальнику вокзала.

– До свидания, – ответил тот, он сморкался почти непрерывно, и его лицо становилось то красным, то синим, то лиловым – смотря какой платок он вынимал.

А тут ещё разнообразные вагоны необычного поезда, — у мальчика голова пошла кругом, ему стало весело, и он снова сказал Начальнику вокзала:

— До свидания!

— Наконец-то и ты поехал, — сказал Начальник вокзала. — Поехал всё-таки.

Он в последний раз высморкался, в голубой с малиновым платок, махнул на прощание рукой и ушёл.

Проводник позвал Ника в вагон, отвёл в купе и показал его место.

В купе он был единственным пассажиром, он прилег и сразу уснул.

Ему приснилось, что он строит железные дороги, частые, как паутина, и падает разноцветный снег, а он кричит маме:

«Мама, смотри!», и мама улыбается и смотрит вместе с ним, а из высоко-го дома сквозь прозрачную стену выходит Глеб, садится в машину, похожую на яйцо, и летит кругами над домом, и от машины остаются белые полосы, как от реактивного самолёта; и он тоже садится в такую же машину, поднимается вслед за Глебом, и они берутся за руки и летят вдвоём всё выше, так что маму уже почти и не видно, а дома тоже почти не видно, потому что его скрыл разноцвет-ный снег; и вот они поднимаются так высоко, что уже выше снега, и кажется, будто внизу лежит большущая радуга, сквозь которую чуть виднеются очертания дома и лицо мамы. «Мы летим в кругосветное путешествие!» – говорит Глеб. Тут сон почему-то кон-чился, Ник проснулся и выглянул в окно.

Поезд шёл мимо стены цветущих деревьев, лепестки покрывали землю. Вдали виднелись горы – остроконечные, как кипарисы, с шапками снега над крутыми склонами. За горы садилось ярко-красное солнце. Поезд шёл очень медленно и только на спусках мчался, как санки с ледяной горки.

В это время дверь в купе отворилась.

– Привет новому пассажиру! – услышал Ник за спиной. – Не хотите ли, молодой человек, мороженого – отличное средство заболеть ангиной! Или конфет – перед едой их надо есть, перед едой! Тогда от них портится аппетит! Или, может быть, хотите прохладительных напитков? От них ещё больше хочется пить! Богатый выбор, огромные возможности!

Ник обернулся.

Перед ним стоял невысокий рыжеватый человек, коротко остриженный. Поверх старой железнодорожной формы на нём был надет белый передник, а на согнутой в локте руке он нёс корзину с бутылками, пакетами и мороженым. Человек поставил корзину, сел, достал трубку и закурил.

– Отставной кондуктор! – представился он. – Некоторые добавляют: злой. Злой Отставной кондуктор. Так называют меня некоторые, но что они смыслят в кондукторах! Когда-то я был самым главным кондуктором в большом и важном поезде. Работы было по горло! Подъезжаем к станции – свисти, отъезжать пора – свисти, вагоны обойди, на нерадивых прикрикни, вещи вели убирать с одного места и положить на другое место. Маята, хлопоты, зато все тебя боятся, ты самый-самый главный! А теперь? Вместо кондукторов теперь простые проводники, и я не у дел. Пристроился вот в этом дурацком поезде, из жалости взяли, напитки разносить да всякую всячину. Хочешь мороженого?

– Хочу, – сказал Ник.

– Ешь его, ешь побольше! – обрадовался злой Отставной кондуктор. – От него иногда заболевают. Если объедятся.

– Я болел, – сказал Ник.

– Ну, может, и ещё заболеешь, – Отставной кондуктор помолчал, придвинулся к мальчику и тихо сказал:

– Но я и здесь нашёл работёнку, да еще какую! Сейчас поделюсь с тобой секретом – не терпится, чтобы ты его узнал. С незнакомыми людьми особенно приятно делиться секретами. Понимаешь, этот поезд для опоздавших. Он едет слишком медленно, никакого расписания для него не существует, встречные поезда не попадают.

– Он везёт нас и почту, – сказал Ник.

– Какая это почта! – махнул рукой Отставной кондуктор. –

Там везут письма, на которых забыли написать адрес, вот это какая почта. Вместо того, чтобы дать эти письма мне почитать, их возят в нашем поезде! Груз совершенно ненужный, а меня лишают удовольствия! Понимаешь, какая наглость!

– Мама никогда не читает мои письма, – сказал Ник.

– Разве я твоя мама? – рассердился Отставной кондуктор. – Я злой Отставной кондуктор, который страдает, что он не у дел. Этот поезд едет, как хочет, по железной дороге. А на железной дороге должен быть железный порядок! И знаешь, что я надумал? страшный секрет! Я решил, что буду толкать поезд!

– Толкать что? – спросил Ник.

– Поезд, – ответил Отставной кондуктор.

– Как?

– А вот так.

Отставной кондуктор вскочил и упёрся обеими руками в стенку купе – ту, что ближе к паровозу. Трубка торчала у него во рту, рыжие усы топорщились, от натуги он побагровел, и вид у него стал самый что ни на есть бравый.

– Видал? – спросил он. – Жаль, мне никто не верит, что поезд идёт быстрее, когда я его толкаю. Говорят, я физики не знаю. Ты физику проходил?

– Нет, – сказал Ник.

– И хорошо! – сказал Отставной кондуктор. – И не проходи её! Хочешь ещё мороженого?

– Хочу, – сказал Ник.

– Ешь, объедайся. Раз ты физики не проходил, значит, можешь мне поверить. Давай, будем толкать вместе? И станем главными в этом поезде! Главнее машиниста!

– Ничего не получится, – сказал Ник. – Ведь мы едем в этом поезде, понимаете?

– То-то и беда, что понимаю, – вздохнул злой Отставной кондуктор. – Уже много раз объясняли. Но так хочется быть главным! Когда толкаешь в стенку и кажется, что поезд едет быстрее, тогда становится так приятно! Вот попробуй, сам увидишь.

– Чуть-чуть кажется, – сказал Ник, попробовав. – Только надо смотреть в окно.

– Нравится? – спросил Отставной кондуктор.

– Нет, – ответил Ник. – Не интересно.

– Ты ещё маленький и не понимаешь, – сказал Отставной кондуктор. – Поживёшь с моё – понравится.

– А где мы едем? – спросил мальчик.

– Мы едем по пути всех опоздавших, – ответил Отставной кондуктор. – Таких, которые опоздали не нарочно. Вроде тебя.

– А у нас будут остановки? – спросил Ник.

И только он это сказал, как поезд остановился на небольшом полустанке.

– Я к тебе ещё приду, – сказал Отставной кондуктор. – Может быть, сядут пассажиры. Попробую им что-нибудь продать.

И он ушёл со своей корзиной.

Глава вторая

Неудачный поэт и Старый сказочник

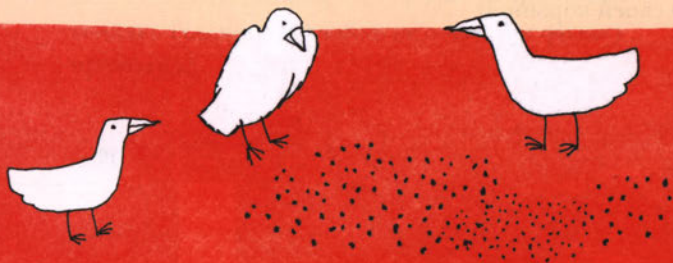
Ник вышел из вагона. Полустанок был крошечный. Ник увидел домик у ствола могучего дуба, водокачку и семафор.

Сразу у полустанка начинался дремучий лес.

На платформе стоял мальчик года на три старше Ника. Он был начальником этого полустанка.

Они с Ником разговорились. Начальника звали Алик.

В домике было всего две комнаты. В одной жил Алик, а в другой поселилась

девочка Юля, неизвестно как на полустанок попавшая. Она подружилась с Аликом.

– Ты тоже опаздывал? – спросил Ник.

– Да, – ответил Алик. – Я писал стихи и всюду опаздывал! Кроме того, я часто болел, вот и поселился здесь на свежем воздухе. Всё делаю сам, знаешь ли, очень поправился.

Они погуляли немного под дубом. День был солнечный, жёлуди на дубе, казалось, звенели, как колокольчики, в лесу пел соловей.

– Хочешь, я тебе прочитаю свои стихи? – спросил Алик.

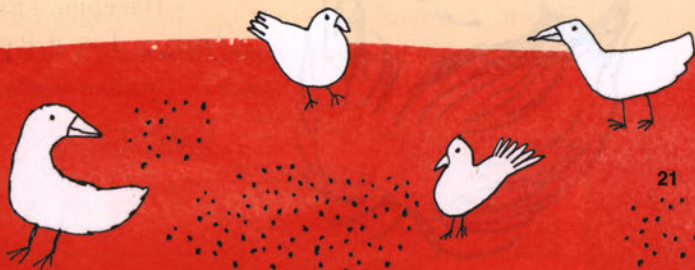
– А поезд не уйдёт – спросил Ник.

– Он не уйдёт, пока я его не отправлю.

Из дома вышла девочка Юля – великовозрастная девочка, неизвестно как на полустанок попавшая, но почему-то тут жившая и никуда не уходившая. Прыгала она тут под дубом через верёвочку, пела какие-то песенки и никому не мешала. Вот и сейчас – остановилась она в сторонке и стала слушать.

– Про лешего, – сказал Алик. – Слушай:

Леших на свете вообще-то нет,
Но иногда пень, куст или облако
Похожи на что-нибудь непонятное.
И тогда можно сказать,
Что они похожи на лешего.

– Больше не нужно, – попросил Ник. – Это всё-таки не стихи.

– Я очень люблю читать их вслух, – сказал Алик.

Тут великовозрастная девочка Юля стала прыгать через верёвочку, напевая:

Прыг-скок – наискосок!

Прыг-скок – на носок!

Юля – прямо,

Алик – в яму,

Носом в песок!

И убежала, дразнясь, великовозрастная девочка Юля, неизвестно зачем тут живущая.

– Наверно, ты неудачный поэт, – сказал Ник, подумав.

– Наверно, – вздохнул тот. – Так и называют

меня знакомые – Неудачный поэт. Ничего не поделаешь, надо терпеть. Вот вырасту, тогда, может быть, будет другое дело.

– Да, тогда может быть другое дело, – согласился Ник.

Тут Ник увидел незнакомого человека, который вышел из лесу и направился к поезду.

– Кто это? – спросил Ник.

– Это Старый сказочник, – сказал Алик. – Он знает все старые сказки на свете и даже сочиняет иногда новые. Он выпускает газету «Сказочная правда» и часто выступает по радио. Он гостит у меня на полустанке.

Алик подвел Ника к Старому сказочнику и познакомил их.

– Вы мне расскажете сказку? – спросил Ник.

– Обязательно, – ответил Старый сказочник. – Я здесь часто ходил в лес и собирал старых сказок. Я поеду с тобой, Ник, и в поезде что-нибудь расскажу.

– Скажи, Ник, – спросил Алик, – злой Отставной кондуктор едет один?

– Не знаю, – сказал Ник. – А что?

– Понимаешь, я боюсь, не спрятал ли он где-нибудь в поезде злого волшебника, который может ему помочь?

– Помочь в чем? – спросил Ник.

– Завоевать один город на пути опоздавших. Я беспокоюсь, не едет ли с ним кто-нибудь нехороший.

– Я не хочу, чтобы он завоевывал города. Он мне не понравился, – сказал Ник.

– Пожалуй, пора вас отправлять, – сказал Алик. – Стихи я тебе прочитал.

– Вот что, – сказал Ник, – я подарю тебе попугая. Мне кажется, у тебя в доме очень не хватает попугая. Этого попугая мне Глеб отдал, ты знаешь Глеба?

– Нет, не знаю его, – сказал Алик.

– Он собирается в кругосветное путешествие, – сказал Ник.

– А тебе не жаль попугая? – спросил Алик.

– Пусть у тебя будет попугай, –
сказал Ник. – Он тебе пригодится.

– А что он ест? – спросил Алик.

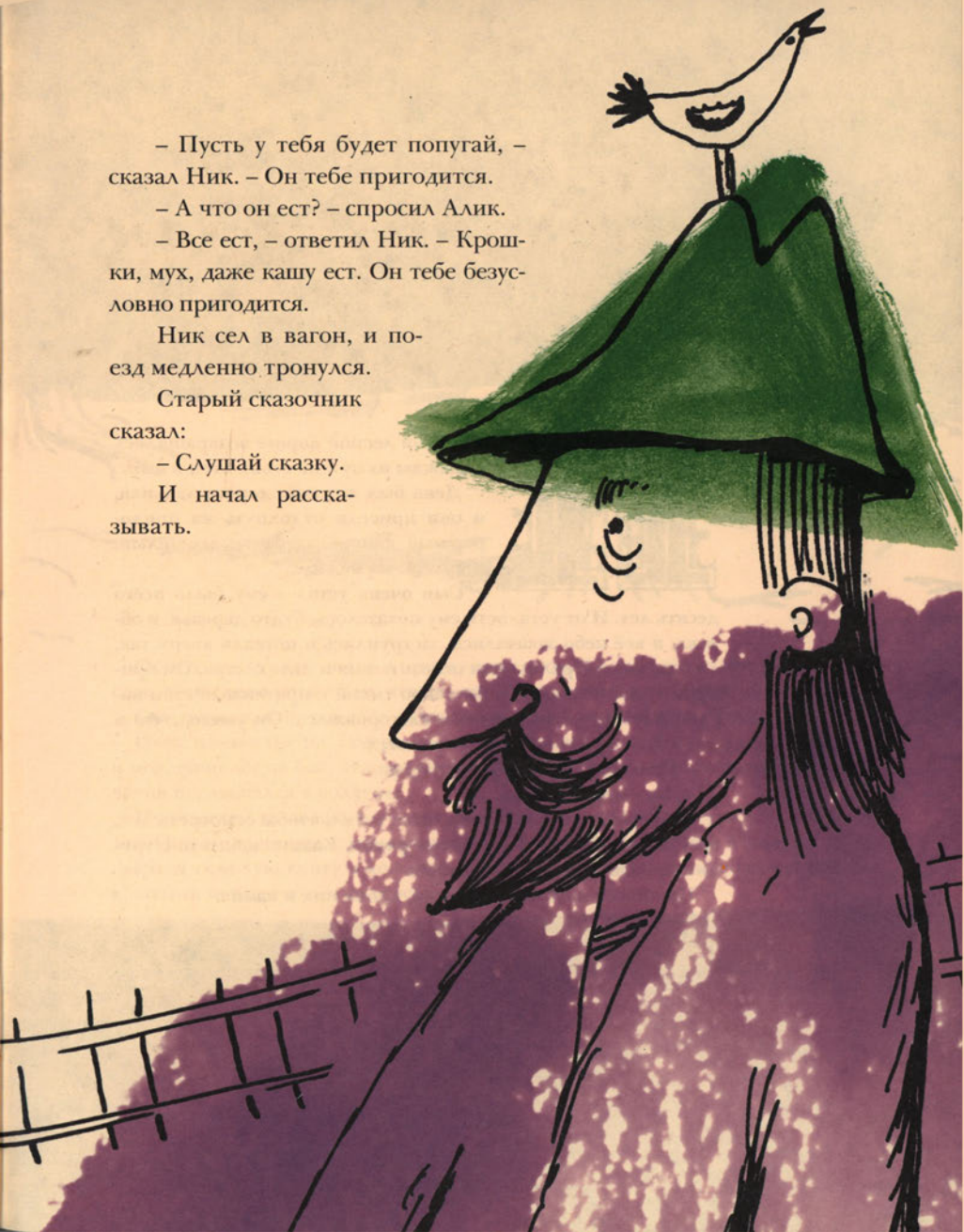
– Все ест, – ответил Ник. – Крош-
ки, мух, даже кашу ест. Он тебе безус-
ловно пригодится.

Ник сел в вагон, и по-
езд медленно тронулся.

Старый сказочник
сказал:

– Слушай сказку.

И начал расска-
зывать.

СКАЗКА о недописанной книге

ТЕ

о глухой лесной дороге возвращались однажды из путешествия отец и сын.

День был жаркий, дорога дальняя, и они присели отдохнуть на придорожный камень, серый и замшелый. А кругом шумел лес.

Сын очень устал – ему было всего десять лет. И от усталости ему показалось, будто деревья, и облака, и всё небо закачались, заструились и потекли вверх так, словно он смотрел на них сквозь пламя и дым костра. Он прикрыл глаза и задремал. Внезапно тихий и протяжный стон послышался ему, он очнулся и насторожился. Он увидел, что и отец тоже к чему-то прислушивается.

– Ты слышал? – спросил он отца.

– Да, – ответил отец.

Они оглянулись – никого. Отец встал, чтобы осмотреть лес, но тут стон повторился совсем рядом. Казалось, кто-то с трудом произносил какое-то слово.

Но никого на дороге не было, кроме них и камня.

Отец и сын стояли молча и прислушивались. И в третий раз послышался стон, и они ясно услышали, что кто-то глухо поизносит: «Поднимите...»

Они поняли, что стон шёл из-под камня, на котором они сидели.

Отец навалился на камень плечом – и камень качнулся, приподнялся и медленно лёг на бок, тяжело осев на новое место. Казалось, вздох облегчения послышался в воздухе.

Под камнем оказалась глубокая яма. На её дне отец и сын увидели свёрток. Они его вытащили, развернули полустлевшую холстину и вынули из свёртка тяжелую книгу в кожаном переплёте, с толстыми страницами, покрытыми непонятными письменами.

A cartoon illustration on a two-toned background (dark blue top and bottom, light yellow middle). On the left, a man wearing a dark hat and a light-colored coat stands looking down. On the right, a boy in a striped shirt is bent over, holding a large, thick book open on the ground. The book is dark blue with many pages visible. The boy is looking at the book with a slight smile.

— Кто же стонал? — спросил отец.
— Книга, — сказал сын.
— Книга не стонет, если это обыкновен-
ная книга, — возразил отец.
— Значит, это не обыкновенная книга, —
сказал сын.

Они взяли книгу и пошли.

Дома мальчик развернул книгу. Страницы от времени пожелтели, но сохранились хорошо, и письмена не были повреждены. Строчки бежали по страницам, точно струйки с отлетающими в стороны брызгам и, но о чём они рассказывали, было неизвестно.

В книге мальчик нашёл несколько рисунков. На них он увидел прекрасную девушку в саду. На плече у девушки сидела Жар-птица и о чём-то, вероятно, разговаривала с девушкой. На другом рисунке девушка в страхе прижималась к стволу толстого дерева, на неё бежали разбойники, а впереди них страшный старик с крючковатым носом и свирепыми глазами. Потом наперерез разбойникам бросился смелый и стройный юноша, который стал защищать девушку, а разбойники так и кружились вокруг него, размахивая копьями, кривыми саблями и извилистыми кинжалами. И на последней картинке мальчик увидел, что юноша ранен в бок, что из его раны течёт кровь, что он уже изнемогает в неравном бою.

Больше рисунков не было.

И книга была без конца.

На её последних страницах ничего не было написано.

Мальчик посмотрел на эти пустые листы и задумался. Почему эта книга — недописанная? Может быть, сочинитель или переписчик не успел её закончить из-за того, что куда-нибудь уехал? Или ему кто-то помешал? И как попала книга под камень и почему стонала?

Думая обо всём этом, мальчик заснул. И привиделся ему сон.

Едва стихло в доме, как тяжёлый переплёт книги распахнулся, из книги выбежали юноша с мечом, прекрасная девушка и злые разбойники. И комната, в которой спал мальчик, наполнилась шумом боя, голосами сражавшихся и резким пронзительным криком страшного, как чёрный ворон,

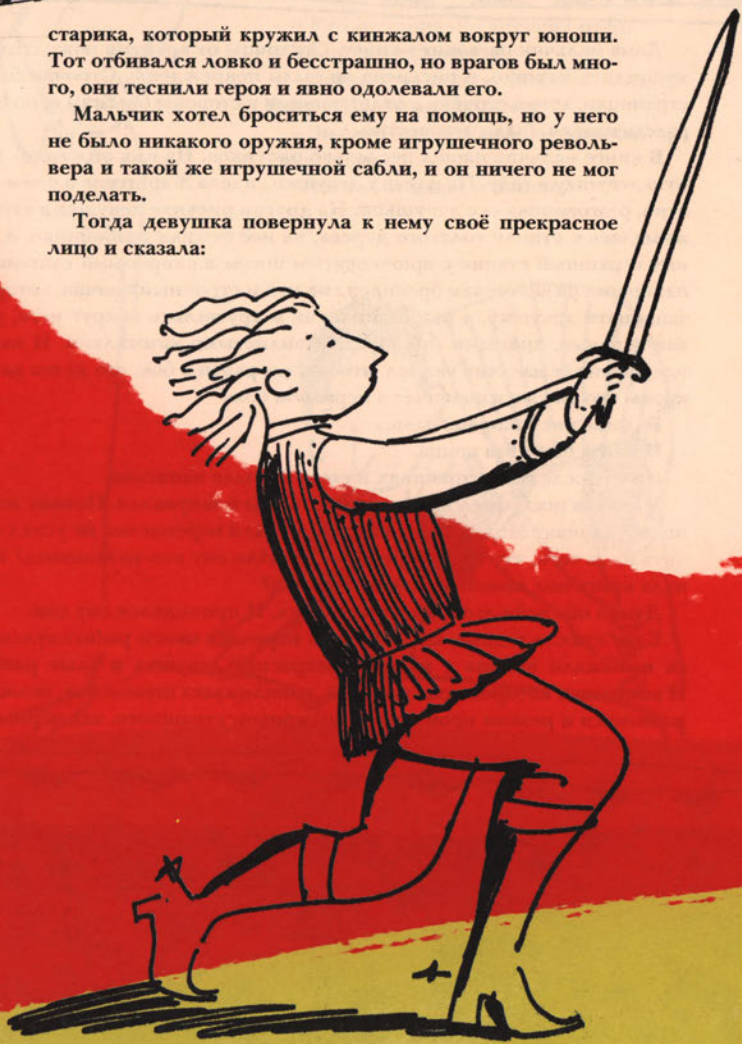

старика, который кружил с кинжалом вокруг юноши. Тот отбивался ловко и бесстрашно, но врагов был много, они теснили героя и явно одолевали его.

Мальчик хотел броситься ему на помощь, но у него не было никакого оружия, кроме игрушечного револьвера и такой же игрушечной сабли, и он ничего не мог поделать.

Тогда девушка повернула к нему своё прекрасное лицо и сказала:

— Помогите нам! Пусть кто-нибудь допишет эту книгу, пусть кто-нибудь сочинит нам счастливый конец!

В этот момент раздался утренний позывный радио, сражавшиеся немедленно скрылись в книге, переплёт захлопнулся и водворилась тишина.

Мальчик не стал терять ни минуты, как только проснулся. Он бросился в комнату к отцу, разбудил его и рассказал всё, что видел.

Отец подумал и сказал:

— Я знаю одного профессора, который изучил множество старинных языков и постиг немало тайн.

Они отправились к этому профессору.

Профессор жил в старом доме, который они с трудом отыскиали. По узкой пыльной лестнице они поднялись на самый верхний этаж и постучали в тяжёлую дверь профессорской квартиры.

Их встретил очень старенький человек. Он был как-то странно одет. На его крючковатом носу сидели большие очки.

– Слушаю вас, слушаю вас, – нетерпеливо сказал он, не здороваясь и не приглашая их в комнату.

Отец коротко рассказал ему всё.

– Мы просим вас написать счастливый конец для этой беспокойной книги, – сказал отец.

– А книга, где книга? – спросил старик. – Вы принесли её?

– Нет, – сказал отец. – Случай такой необыкновенный. Мы хотели сначала посоветоваться с вами.

– Едем! – вскричал профессор. – Едем немедленно к вам!

А жил этот профессор довольно далеко, ехать пришлось долго, так что пока они ездил туда да обратно, прошло полдня.

Едва профессор увидел книгу, как кинулся к ней, точно коршун, погрузился в чтение и не глядел ни на кого, только бормотал что-то себе под нос, которым водил по строчкам.

– Все настоящие учёные со странностями! – сказал отец мальчику и пожал плечами.

Но мальчик не спускал глаз с профессора.

Был уже поздний вечер, когда профессор кончил читать.

– Это она! – сказал он взволнованным голосом. – Много лет я думал о ней, и вот она у меня в руках!

Он откинулся на спинку стула, посидел немного с закрытыми глазами и сказал:

– Чтобы дописать эту книгу, мне нужна особенная тушь, которая есть только у меня дома. Мне придётся взять книгу к себе.

– Если надо – возьмите, – сказал отец.

Старик схватил книгу, но не тут-то было! Оказалось, что он никак не может её поднять.

Все удивились. Профессор поехал за тушью, но привёс её уже в ночи, когда пора было ложиться спать. Он сел было писать, но, написав несколько строк, сказал:

– Большие я не могу задерживаться, мне надо скоро быть в совершенно другом месте! Завтра чуть свет я приеду и допишу её.

И он поспешно ушёл.

Мальчик сразу заснул, и ему снова приснился странный сон.

Открылась книга, из неё вышли девушка, юноша и разбойники, и бой возобновился. Но что это?

Меч у юноши был уже поломан, из бесчисленных ран ручьями текла кровь, раненый с трудом защищался от нападавших, которых стало почему-то гораздо больше! И ещё злее, ещё неистовее носился вокруг него ужасный старик с книжалом. В страхе закрывала девушка глаза, когда видела клинок у груди своего защитника. Но, видимо, сильный тот был воин, если даже обломком меча умудрялся наносить своим врагам всё новые потери.

– Что ты наделал! – сказала девушка мальчику. – Как неосторожно ты поступил! Разве он может сочинить нам счастливый конец!

И мальчик увидел – злой старик, предводитель разбойников, как две капли воды был похож на профессора!

Но тут раздались утренние
позывные радио, комната опу-
стела, книга закрылась...

И сейчас же мальчика раз-
будил звонок в дверь – при-
шёл профессор.

– Папа, не давай ему допи-
сывать! – закричал мальчик,
бросаясь к отцу, – он сочиня-
ет плохой конец! Посмотри
в книгу!

И мальчик показал отцу последний
рисунок в книге. Как он изменился!
Уже не легко раненый, а умирающий
юноша был изображён на нём, и вра-
ги столпились над ним, повержен-
ным и слабым, а руки старика хищно
тянулись к девушке.

Отец сказал профессору:

– Мы не разрешим вам больше
писать в этой книге – вы сочиня-
ете для неё дурной конец!

Профессор расвирипел! Он
стал кричать, что они ниче-
го не понимают, что он пи-
шет тот единственный ко-
нец, который возможен
в этой книге, что таков
был замысел древне-
го автора, у которого
один легкомыслен-

ный молодой человек похитил книгу перед самым её окончанием, узнав, что будет плохой конец; что этот молодой человек спрятал книгу, и её не могли найти, и вот теперь он, старый учёный, должен дописать книгу так, как она была задумана.

– Нет, – сказал отец. – Мой сын не хочет, чтобы книгу дописали так, как она была задумана. Для этой книги надо сочинить счастливый конец, хотя это и очень древняя книга!

Профессор так бесновался, что его пришлось, оставив вежливость, выставить за дверь. Он барабанил в дверь, кидался в окна, но решение отца было непоколебимо.

Он нашёл молодого учёного, которому всё рассказал. Тот приехал к ним домой, прочитал книгу, улыбнулся и сказал:

– Это одна из самых старых историй на земле. И много веков лежала эта книга, а конца у неё не было. Теперь мы сочиним для неё счастливый конец, хотя это дело и нелёгкое!

Он сел за стол, посочинял, и к вечеру дописал книгу.

Ночью снова наполнилась комната мальчика, снова закипел в ней бой. Но едва банда старика кинулась на юношу, как дверь комнаты распахнулась, и в неё вбежал отряд рослых воинов, а во главе их мальчик с удивлением увидал самого себя! Воины смело устремились на врагов, и те побежали, бросая оружие, и юноша был спасён, девушка защищена, и они поблагодарили мальчика за спасение. А злой старик бежал – только его и видели!

Вот какой неожиданный конец придумали книге.

– Не люблю печальные концы, – сказал Ник.

– Я тоже, – сказал Старый сказочник.

– Хорошо, когда плохой конец можно переделать на хороший, – сказал Ник.

– Хорошо, – сказал Старый сказочник.

– А мы скоро приедем? – спросил Ник.

– Подъезжаем, – сказал Отставной кондуктор, снова появляясь в купе.

– Куда? – спросил Ник.

– К главному городу опоздавших, – сказал Отставной кондуктор. – Славное местечко. Хочешь, завоюем его, – сказал он тихо, чтобы не услышал Старый сказочник.

– А что? – спросил Ник.

– Тут все такие неторопливые – сам увидишь. Таких завоевать – раз плюнуть. Давай?

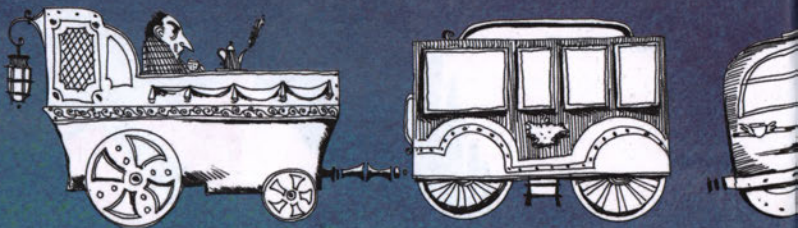
– Не хочется, – сказал Ник.

– Жаль, а то мне было бы кем командовать. Ничего не поделаешь, завоеую один.

– Как? – спросил Ник, насторожившись.

– Поможет мне один пассажир, – заявил злой Отставной кондуктор. – Впрочем, ни слова больше! Это сугубая военная тайна!

И он поскорее ушёл, чтобы не разболтать свою тайну.

Глава третья

Шестьдесят сантиметров в час

Поезд прибыл в главный город опоздавших.

Город стоял на берегу моря. Море сверкало зелёной чешуёй на солнце и у горизонта сливалось с небом так незаметно, что невозможно было понять, где кончается небо и начинается море, а где кончается море и начинается небо. В самом центре города возвышалась высоченная Башня времени с часами.

A stylized illustration of a child with green skin and a white dotted shirt, reaching up with both arms to touch a string of barbed wire. The wire is strung across the sky and has several small bows tied to it. A white diamond-shaped kite with black dots is flying in the upper right corner. The background is split into a blue sky and a tan ground. On the left, a portion of a stone wall with a crenelated top is visible.

Стрелки этих часов стояли всегда в одном и том же положении, показывая ровно двенадцать. На двенадцати стояли и стрелки всех других часов в городе.

Солнце не торопилось уходить с неба. Уже должен был быть вечер, но солнце стояло прямо над головой, точно ему интересно было посмотреть, кто это приехал, и оно опоздало склониться к закату. В его лучах Башня времени сверкала, словно горела.

В этой Башне ещё случатся важные события нашей истории.

На солнце жители города не обращали внимания – вероятно, они привыкли к его пове-

дению, а может быть, они были так увлечены своими делами, что чужие дела – даже солнечные – их не касались? На вокзале Ника встречали трое.

Прежде всего он увидел силача трёхметрового роста, кругло-голового, в спортивных брюках и майке. Ник уставился на него, и силач шагнул вперёд.

– Здравствуй, – сказал он. – Меня зовут Силач Папс. А это наш Противопожарный слонёнок. Он может заливать пожары из хобота.

Слонёнок вежливо протянул Нику хобот и поздоровался с ним за руку.

Третьей была Черепаха. Она выступила вперёд и сказала:

– А я – Черепаха.

Это было видно сразу, но Черепаха во всём любила полную ясность.

В этот момент мимо них быстрыми шагами прошёл Отставной кондуктор, который вёл под руку старика – того самого, который ехал в самом старомодном вагоне и пил чай, завернувшись в плед и ни на кого не глядя. Они прошли, не поздоровавшись, и скрылись за углом, о чём-то перешептываясь.

– Почему вы встречаете? – спросил Ник.

– Мы получили телеграмму от Начальника вокзала, что ты приедешь, – сказала Черепаха. – Он написал, что поезд будет стоять в нашем городе и ждать тебя до тех пор, пока Папс не успеет вовремя. Мы ничего не поняли из этой телеграммы. Пока Папс

не успеет вовремя... – повторила она и задумалась.

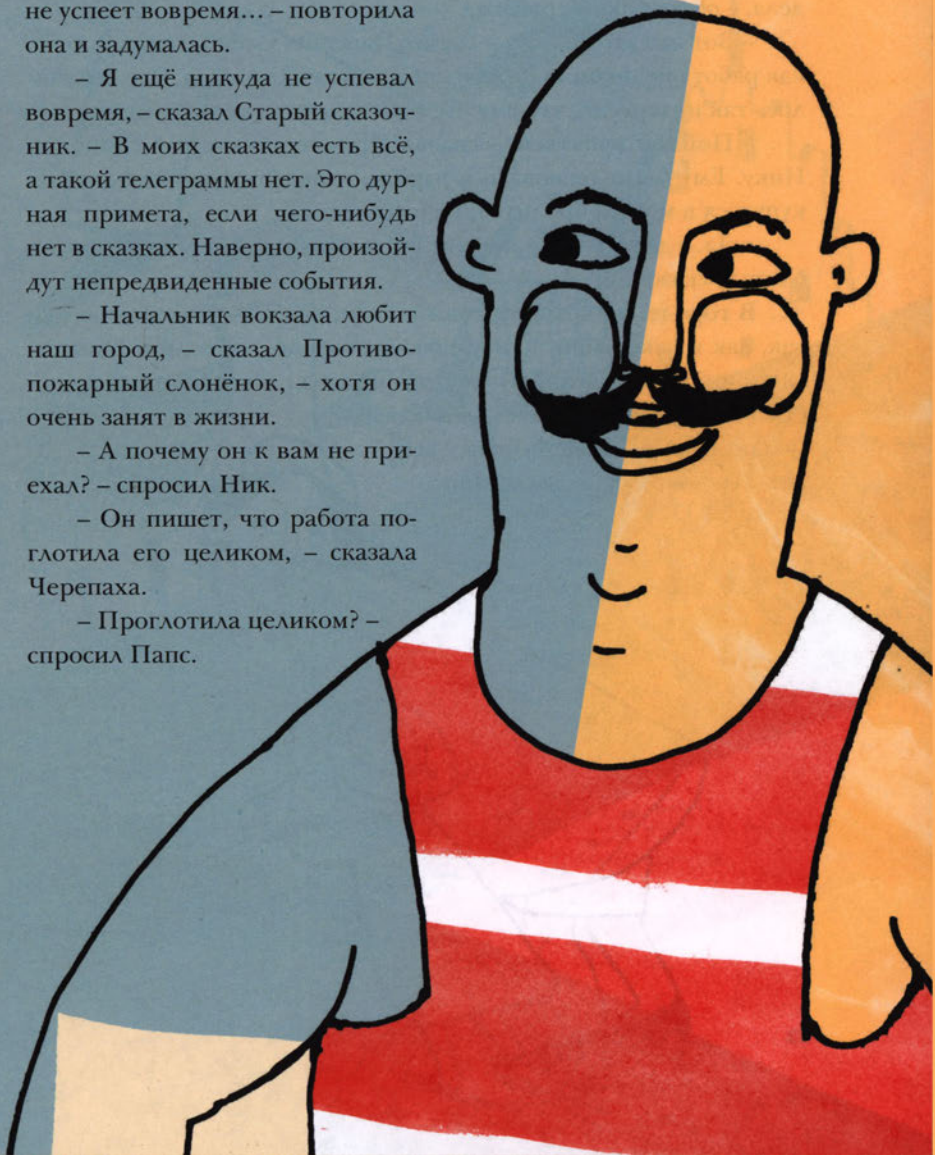
– Я ещё куда не успевал вовремя, – сказал Старый сказочник. – В моих сказках есть всё, а такой телеграммы нет. Это дурная примета, если чего-нибудь нет в сказках. Наверно, произойдут непредвиденные события.

– Начальник вокзала любит наш город, – сказал Противопожарный слонёнок, – хотя он очень занят в жизни.

– А почему он к вам не приехал? – спросил Ник.

– Он пишет, что работа поглотила его целиком, – сказала Черепеха.

– Проглотила целиком? – спросил Папс.

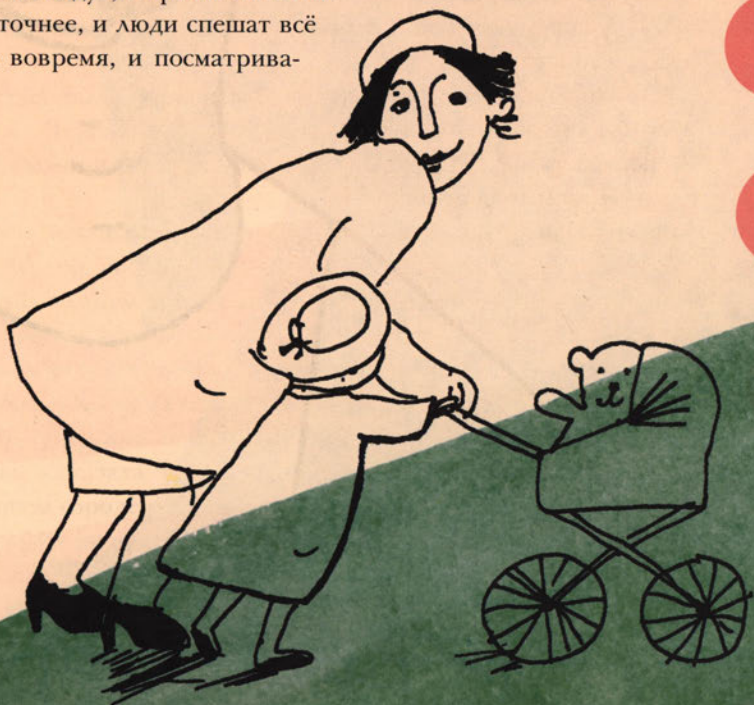
– Нет, поглотила. Это значит, что ему ни до чего другого нет дела, – объяснила Черепаха.

– Вот это что значит, – сказал Папс. Он уже представил себе, как работа целиком проглотила Начальника вокзала. Это получилось так интересно, что ему было теперь жаль передумывать.

– Пойдём купаться, – сказал Противопожарный слонёнок Нику. Ему было тесновато в городе, и поэтому он очень любил купаться в море и бродить по окрестностям.

– Да, с дороги надо прежде всего искупаться в море, – сказал Старый сказочник.

В городе, по которому они пошли, всё было совершенно не так, как в каком-нибудь нормальном городе, где солнце движется строго по расписанию с востока на запад, с неизменной скоростью, а часы идут, стараясь быть как можно точнее, и люди спешат всё сделать вовремя, и посматрива-

ют на часы, и только когда сделают, гуляют, любуясь друг другом и окружающей действительностью.

Нормальный город полон торопливых людей, и в нём даже попадают такие несчастные, которые и в воскресные дни, закончив все дела и гуляя, по привычке спешат, делают резкие движения и размахивают руками так, словно идут по бревну и вот-вот свалятся.

И на каждом значительном перекрёстке в нормальном городе стоят регулировщики движения, потому что если не регулировать такое движение, то все наедут друг на друга, и вы представляете, что тогда получится!

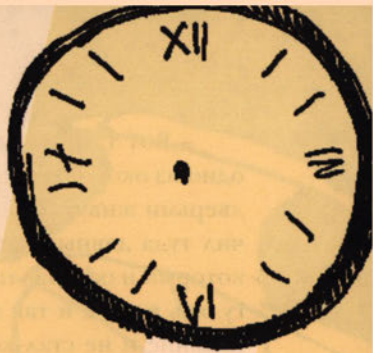
И на каждом значительном перекрёстке в нормальном городе висят большие электрические часы, чтобы любой прохожий знал, сколько времени, и жил, с этим знанием сообразуясь.

И точно по расписанию в нормальном городе начинают работать заводы, заниматься школьники, точно по расписанию отходят и приходят поезда, взлетают и садятся самолёты, разводятся и сводятся мосты. И точно по расписанию живут лучшие люди в нормальном городе, например, Глеб, который учится на «отлично» и собирается в кругосветное путешествие.

А тут – целый город опоздавших! Солнце ходит как попало, все часы стоят, никто никуда не спешит, потому что все уже давно всюду опоздали. И в центре города – каменная Башня времени, высоченная, как тополь. Она замерла

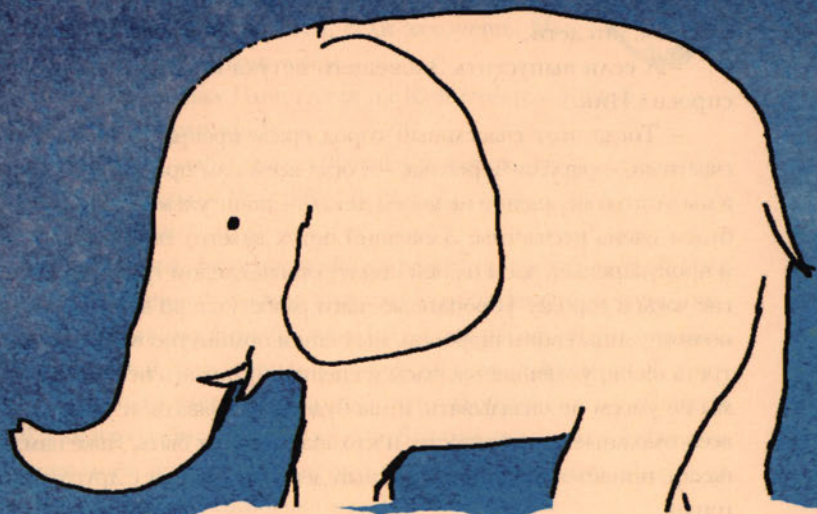

неподвижно, хорошо видная отовсюду. Её венчает герб города – витой домик улитки, из которой торчит её рогатая головка. По крайнему завитку раковинки надпись:

«ШЕСТЬДЕСЯТ САНТИМЕТРОВ В ЧАС».

Земля вокруг Башни времени устлана толстыми каменными плитами, и у самых плит – зарешёченные окна в бездонные подземелья под Башней.

– Вот там, – сказал Старый сказочник Нику, показывая на одно из окон подземелья, – за крепкими засовами и за железными дверьми живут Зловещий петух и Торопливые шаги. Их заключил туда давным-давно один из самых знаменитых опоздавших, который и основал наш город. Он был принц. Однажды он пошёл гулять в поле и так загулялся, что опоздал на собственное коронование и не стал королём. Это исторический случай. Ему пришлось, как ты понимаешь, устыдиться и навсегда уехать из родной страны. Именно он избавил наш город от крика Петуха, который восседал на Башне, и от непрерывного шороха Торопливых шагов. С тех пор все опоздавшие могут здесь поселяться и жить, как им заблагорассудится. Ведь они опаздывают не нарочно, и им очень неприятно, если всё время показывать им часы и торопить их. В городе немного жителей, потому что почти все сейчас умеют всё делать вовремя, неумеющих остается всё меньше и меньше. Главным образом, это дети.

– А если выпустить Зловещего петуха и Торопливые шаги? – спросил Ник.

– Тогда этот счастливый город сразу превратится в самый несчастный, – сказала Черепаха. – Тогда всем нам придётся торопиться, а мы этого совершенно не умеем делать – такие уж мы от природы. Мы будем очень несчастны. Зловещий петух взлетит на Башню времени и прокукарекает, часы на ней пойдут опять, следом тронутся и все другие часы в городе. Торопливые шаги разбегутся во все стороны и наполнят улицы своим шорохом, мы станем поминутно вздрагивать, смотреть на окружившие нас часы и спешить, стараясь не опаздывать, но мы не умеем не опаздывать, и мы будем опаздывать, и у нас начнутся всевозможные неприятности, и кто знает, может быть, даже нам, черепахам, придётся в один прекрасный день бегать друг с другом наперегонки!

Она так разволновалась, что на глазах у неё выступили слёзы.

— К счастью, им в это время повстречался Кузнечик, который отвлек их от грустной темы.

— Здравствуй, — сказал Кузнечик Ник у сквозь зубы. — Очень рад видеть новенького! Приходи как-нибудь ко мне в гости, если захочешь. Мы с тобой пострекочем о том, о сём.

— Хорошо, — сказал Ник, глядя на Кузнечика. — Какой ты красивый! Как рыцарь!

— Что ты, что ты! — сказал Кузнечик сквозь зубы — так он говорил от природы. — Что ты! Какой я рыцарь!

И он смущённо отпрыгнул в сторону.

— Ты приезжай, ты приезжай! — затрепетала над головой Ник Стрекоза. — Во-первых, у меня в каждом крылышке по радуге — видал? А во-вторых, не верь басням, что я попрыгунья! Во-первых, я должна каждый день ловить множество комаров и мошек, а во-вторых, мне надо внимательно следить, чтобы меня не слопали птицы! Так что работы у меня хоть отбавляй, и всё-таки в каждом крылышке моём по радуге, наверно, из-за радуги меня и прозвали попрыгуньей те, кому стало завидно!

– Во-первых, во-вторых! – передразнил её Папс. – Что ты всё считаешь?

– Во-первых, потому, что я научилась считать до двух, а во-вторых, потому, что мне так нравится! Ты что, никогда не бывал в школе?

– Бывал, – неохотно ответил Папс. У него часто не хватало времени сходить в школу, и он не хотел об этом разговаривать со Стрекозой при своём новом знакомом, но Стрекоза не отставала.

– «Пиши, говори и рисуй так, как нравится, а считать умей!» – протараторила она. – Это у нас над входом в школу висит такая надпись, – объяснила она Нику. – Вместо «Добро пожаловать».

Папс ничего не сказал. Стрекоза ему до смерти надоела, и он изо всех сил сдерживался, чтобы не схватить её и не помять, как следует.

– Хочешь, – сказала Стрекоза, – в школу зайдём? Я уже давно там не была, а вчера повстречала на улице Учителя географии, он позвал меня зайти сегодня на его урок. Пойдём! У него интересные уроки! И сам он очень интересный – он почётный житель нашего города, потому что он всё знает о земле.

Ник вопросительно посмотрел на Черепуху. Та, любившая во всём ясность, объяснила ему:

– У нас в школе нет расписания, – сказала она, останавливаясь. Она всегда останавливалась, когда говорила о чём-нибудь существенном. – И уроки бывают не всегда. Если учитель опоздает, то ученики читают книжки и занимаются сами. А если опоздают ученики, то учитель отдыхает или занимается со своими родственниками. Родственники всегда охотно слушают того, кого любят.

– Давай, зайдём на урок географии, – сказал Папс. – А потом пойдём купаться.

Они подошли к школе. Только это было не одно здание, а много разных домиков, на каждом из которых было написано

название предмета: «Рисование», «Астрономия», «Ботаника». Из домика «Астрономии» торчали настоящие телескопы, вокруг «Ботаники» был разбит густой, как джунгли, ботанический сад, а домик «Географии» представлял собой огромный глобус.

«Вот бы такой глобус для Глеба!» – подумал Ник.

– А где ваш город на глобусе, покажите, – попросил он.

– Нет его на глобусе, – сказала Черепаха, останавливаясь. – И на картах нет. Получилось так, что когда составляли карты и в очередь к составителям выстроились все государства и населённые пункты, то наш город опоздал и явился только тогда, когда карты были уже заполнены, и свободного места не оставалось. А переделывать все карты в мире из-за одного опоздавшего города – представляешь, какая работа! Так мы и повисли, как говорится, между небом и землёй!

– Между чем и чем? – переспросил Папс.

– Между небом и землёй, – повторила задумчиво Черепаха.

– Почему повисли? – снова спросил Папс и тревожно огляделся. Он даже топнул ногой, чтобы потрогать, не качается ли под ним мостовая.

– Это так говорят, – объяснила Черепаха. – Это значит, что наше положение неопределённое.

– Эх, – сказал Папс. – Много говорят так, что можно понять и так и так!

– Ты спрашивай, если тебе непонятно, – посоветовал Ник.

– Тебе хорошо говорить – спрашивай, – сказал Папс. – Много будешь спрашивать, назовут знаешь кем? Глупым, вот кем!

– Всё-таки лучше спрашивать, – сказал Ник, подумав. – Не назовут тебя глупым – ведь после того, как тебе ответят, ты уже будешь знать и не будешь глупым в этом вопросе.

Навстречу им вышел Учитель географии и пригласил на урок.

– Вам не будет скучно? – спросил Учитель географии Черепаху. – Всё, что я буду говорить, давно уже вам известно.

– Не будет, – ответила Черепаха. – Столько интересного приходит в голову, пока говорят о том, что тебе уже известно!

– Куда приходит? – спросил шёпотом Папс у Ника.

Тот пальцем показал себе на лоб.

– Вот ты уже и ругаешься! – вскипел Папс. – Я знаю! Пальцем в лоб стучат, когда хотят обозвать глупым! Мне Стрекоза объясняла!

– Я не ругаюсь, – сказал Ник. – Я просто показываю, куда приходит.

– Кто приходит? – ещё больше запутался Папс.

– Интересное приходит, – сказал Ник. Но тут заговорил Учитель географии.

– Наш город, – сказал Учитель географии, – расположен очень удачно. Если вы любите лазить по горам, – отправляйтесь на восток. Там торчат горы, остроконечные и круглые, но вполне приступные, – Учитель поглядел на Папса и повторил: – приступные. Значит, на них можно залезть. Они называются Коренные горы,

потому что похожи на вывороченные из земли корни. Такая у них форма от природы.

– Если вы любите бродить по лесам, – продолжал он урок, – смотреть, как скачут белки и зайцы, толковать о том, о чём с медведем или мудрой ушастой совой – отправляйтесь на север. Там растёт Смешанный и Перемешанный лес. Он то густой, как непроходимая тайга, то редкий, как дубовая роща на берегу степной речки. В этом лесу есть все растения, какие только существуют на земле, и ещё много таких, которые на земле не существуют, потому что это всё-таки сказочный лес.

Учитель географии помолчал и продолжал:

– Если вы хотите попутешествовать с караваном верблюдов, услышать лай шакалов, увидеть неповоротливого варана – земного крокодила, если вы хотите испы-

тать свое мужество в борьбе со зном и миражами, – отправляйтесь на запад. Там к самому городу подступает Жёлтая пустыня. В ней растут гигантские дикообразные растения, и колючки у них – с человеческую руку. Ночи там холодные, и летают светлячки, вспыхивающие белым, зелёным и синим огнями. Звёзды там особенно яркие, потому что они опускаются пониже, чтобы слушать протяжные песни песков.

Учитель географии перевёл дух и продолжал:

– Наконец, на юге вы можете искупаться в Золотом море, построить яхту и уплыть на ней к островам, где до сих пор живут пираты, где добывают жемчуг и кораллы, где ещё много осталось принцесс, тайн и приключений.

В Золотом море живут медузы, большие, как купол собора, которые излучают золотистый свет и похожи на прозрачные абажуры.

Учитель географии достал пачку фотографий и сказал:

– Посмотрите эти фотографии – я сделал их сам, когда много путешествовал по всем этим местам. Может быть, я кое-что и напутал с этими снимками, потому что храню плёнки, как попало.

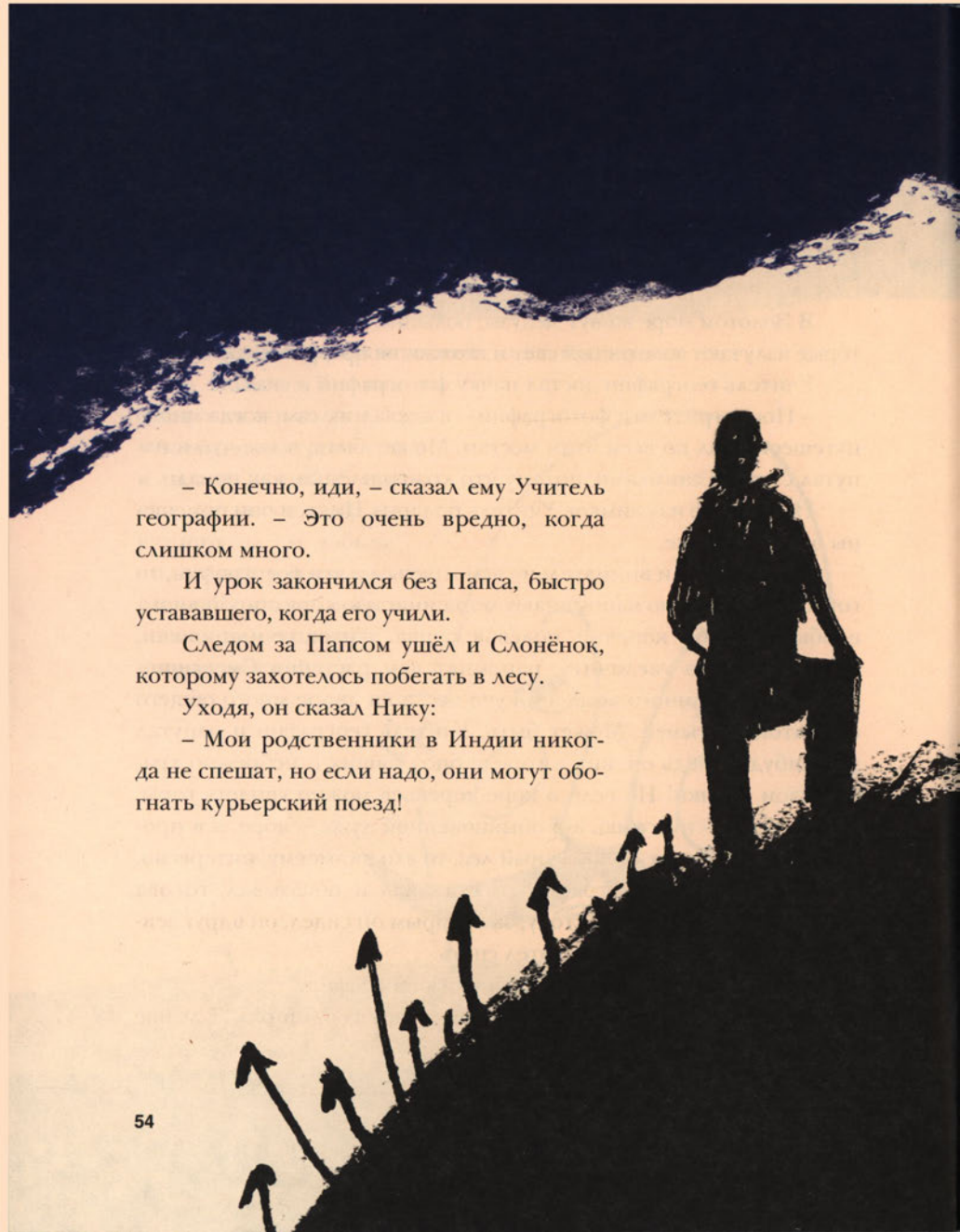
Некоторые из снимков Учитель подарил Нику, и они помещены в этой книжке.

Конечно, если внимательно всмотреться в эти фотографии, то горы на них сильно напоминают морщинистую кору старой липы, вербы или дуба; конечно, полевая кашка, аспарагус или хвощи, если их сильно увеличить, напомнят вам растения Смешанного и Перемешанного леса, а в куче песка на дворе много общего с Жёлтой пустыней. Может быть, Учитель географии и напутал что-нибудь – ведь он жил в городе опоздавших и небрежно хранил свои плёнки! Но если в коре деревьев можно увидеть горы, в куче песка – пустыню, а в обыкновенной луже – море, а в простейших растениях – необычный лес, то это, по-моему, интересно.

Пока Учитель географии рассказывал и показывал, голова Папса стала клониться к столу, за которым он сидел, он вдруг зевнул и клюнул носом. Он захотел спать.

– Тебе надоело? – спросил Учитель географии.

– Да, – ответил Папс. – Слишком много за один раз. Я лучше побегу купаться.

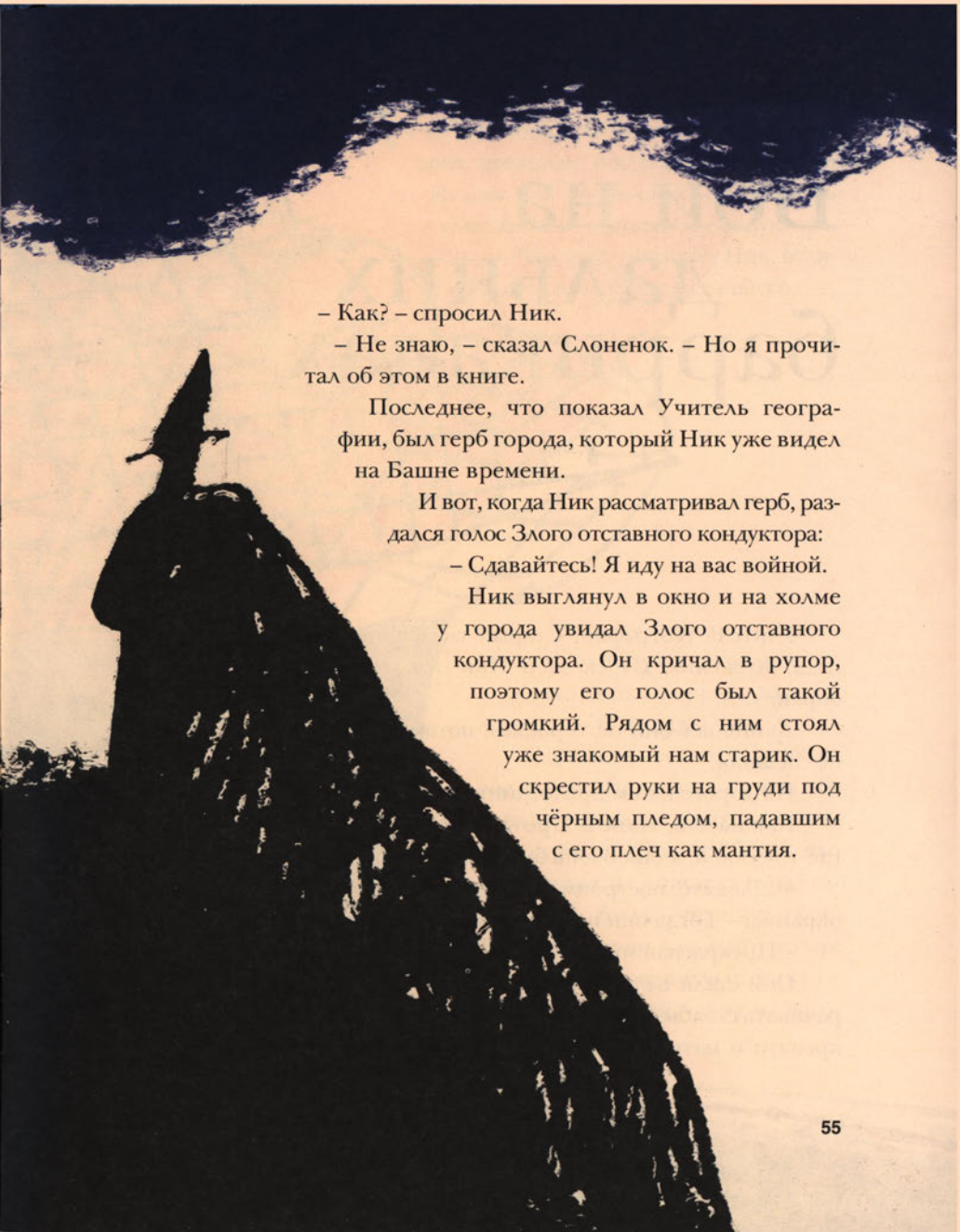
– Конечно, иди, – сказал ему Учитель географии. – Это очень вредно, когда слишком много.

И урок закончился без Папса, быстро устававшего, когда его учили.

Следом за Папсом ушёл и Слонёнок, которому захотелось побегать в лесу.

Уходя, он сказал Нику:

– Мои родственники в Индии никогда не спешат, но если надо, они могут обогнать курьерский поезд!

– Как? – спросил Ник.

– Не знаю, – сказал Слоненок. – Но я прочитал об этом в книге.

Последнее, что показал Учитель географии, был герб города, который Ник уже видел на Башне времени.

И вот, когда Ник рассматривал герб, раздался голос Злого отставного кондуктора:

– Сдавайтесь! Я иду на вас войной.

Ник выглянул в окно и на холме у города увидел Злого отставного кондуктора. Он кричал в рупор, поэтому его голос был такой громкий. Рядом с ним стоял уже знакомый нам старик. Он скрестил руки на груди под чёрным пледом, падавшим с его плеч как мантия.

Глава четвёртая

Бой на дальних баррикадах

Учитель географии, Старый сказочник, Черепаха, Кузнечик, Стрекоза и Ник отправились на окраину.

Двигались они не торопясь, потому что никогда не спешили.

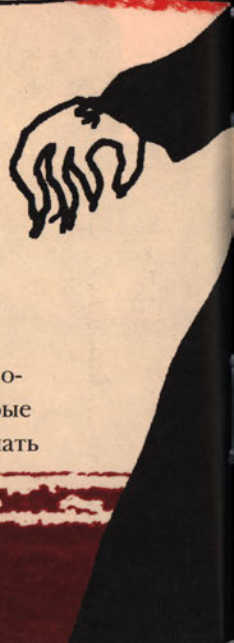
По дороге к ним присоединялись жители города.

Как на зло, Папс и Противопожарный слонёнок где-то гуляли, а они очень быгодились в бою!

– Давайте построим баррикаду! – сказал Ник на окраине. – Тогда они не смогут ворваться в город!

– Прекрасная мысль! – сказали все хором.

Они стали валить в кучу всё, что было вокруг, выворачивать столбы и разбирать заборы, нести из домов старые кровати и матрасы, столы и стулья, катить бочки, снимать

с петель двери и ворота, – словом, по всем правилам построили баррикаду.

И едва они кончили, как показалось войско Злого отставного кондуктора.

– Что это? – спросил Ник, вглядываясь в наступающее войско.

– Не могу понять, – сказал Учитель географии тревожно.

Защитники баррикады ждали, что же будет дальше.

Странное войско приблизилось, и Ник увидел ряды совершенно одинаковых карликовых существ. Похоже было, что их сделали из конструктора, такие они были механические. В правой руке каждый карлик нёс остро отточенную стрелку от часов, а на левой – щит из часового циферблата.

Они наступали тремя колоннами,
во главе каждой шёл командир и од-
нообразно выкрикивал:

– Тик-так!
Тик-так!

По команде «тик!» все карлики
переставляли левую ногу вперёд и
сгибали в локте правую руку спикой.
А по команде «так!» они перестав-
ляли правую ногу, опускали правую
руку и сгибали в локте левую руку,
заслоняясь щитом.

И грянул

БОЙ!

Защитники баррикады кидали в карликов всем, что подворачивалось под руку: камнями, палками, комьями земли, собственными ботинками. Карлики шли вперёд, иногда взмахивали механическими руками, и тогда в баррикаду летели коробочки, которые взрывались со страшным грохотом.

Ник залез на яблоню, которая росла на улице рядом с баррикадой, срывал яблоки покрупнее и, прицелившись, кидал их в карликов – карлики только в разные стороны разлетались! Падая, они звякали так, точно кто-то ронял ложку на дно пустой кастрюли.

Наконец Нику удалось прицелиться особенно удачно, он попал в командира центральной колонны – тот отлетел шагов на десять, как выбитый городок!

Раздалась команда, колонны разом повернули и отступили шагов на сто, чтобы яблоки Ника не могли до них долететь.

Первое нападение было отбито.

Ник слез с дерева, вытер пот со лба и спросил у Черепахи:

– Что это за карлики?

– Какой-то волшебник помогает Отставному кондуктору, – сказала Черепаха. – Эти карлики – гномы времени. Они живут в часах. Ты, наверно, знаешь, что в каждой паре часов живёт маленький гном?

– Я слышал об этом в сказке, – сказал Ник.

– Всё, что бывает в сказке, бывает и у нас, – сказал Старый сказочник.

– Как ты знаешь, – продолжала Черепаха, – в нашем городе все часы стоят. Поэтому гномы в них очень сердитые. И вот их выпустил из часов какой-то волшебник. Наверно, это тот старик, что стоит около Злого отставного кондуктора.

– А что они бросают в нас?

– Это страшное оружие, – сказала Черепаха. – Это банки со сгущённым временем, понимаешь? Когда они взрываются, и время попадает в кого-нибудь, тот сразу становится старше на столько времени, сколько в него угодило. А стрелки у них в руках колют больно, в самое сердце, даже если коснутся только руки, потому что они колют болью о напрасно пропущенном времени. И уколотый человек становится вялым и полудохлым или ужасно беспокойным и суетливым, что ещё хуже.

– Я догадываюсь, кто этот старик, – сказал Старый сказочник. – Это злой волшебник Мармаджан. К счастью для нас, он уже та-

кой престарелый, что почти разучился колдовать и умеет делать только мелкие гадости. Не будем его бояться, смелость – лучшее средство против злых волшебников.

В это время в стане врагов раздалась новая команда, и их колонны отступили ещё дальше, к подножию холма, на котором уселись Отставной кондуктор и старик – это действительно был злой волшебник Мармаджан.

Он стал чертить на земле, бормоча заклинания:

– Восемь пятнадцать... Двадцать три ноль ноль... Полдень, полночь, ноль часов пятьдесят две минуты...

Он что-то наколдывал с помощью времени.

Потом злой Отставной кондуктор закричал в рупор:

– Сдавайтесь по-хорошему! За это я обещаю вам один выходной день в году и каждому раз в пять лет разрешение погулять неделю за городом!

– Не сдадимся ни за что! – хором закричали опоздавшие.

И бой возобновился.

По улице устремились колонны гномов. Замелькали в воздухе гранаты со сгущённым временем, послышались оглушительные взрывы, засвистели осколки времени, раздалась однообразная команда «Тик-так! Тик-так!», пыль поднялась столбом над полем боя.

Ник снова залез на яблоню, но всё труднее и труднее было ему дотягиваться до новых яблок, всё меньше и меньше оставалось их на ветках яблони. Всё ближе и ближе подходили гномы. Всё точнее и точнее попадали их гранаты.

Вот одна взорвалась прямо в центре баррикады – и Ник увидел, как тотчас рассыпался в прах новенький матрас, уничтоженный временем.

Взрыв, ещё взрыв – и в баррикаде образовалась зияющая брешь...

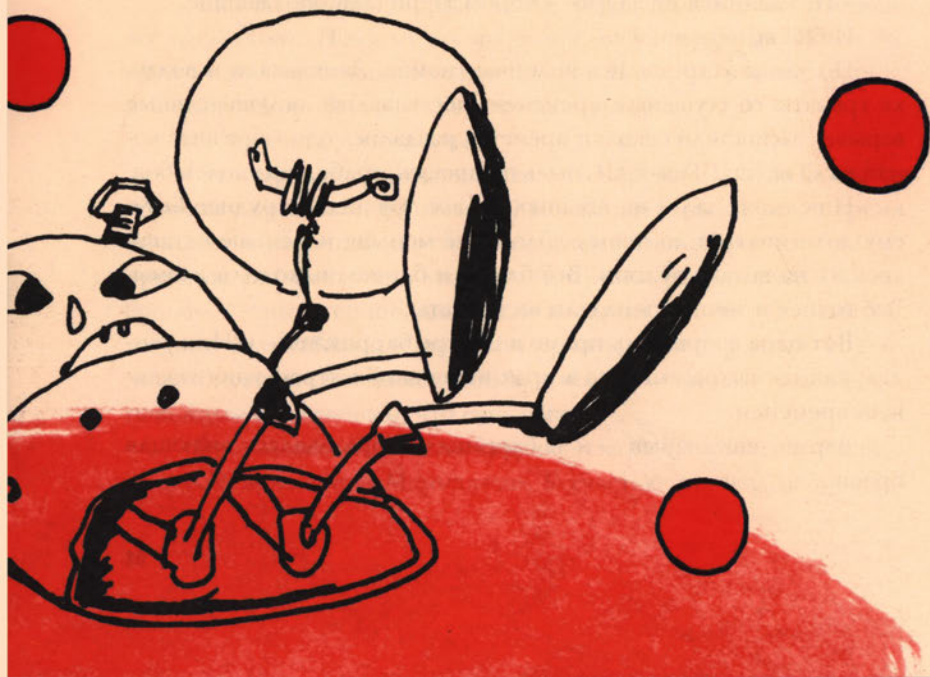

Враги несли ужасные потери, но продолжали механически наступать.

А Папса и Противопожарного слонёнка всё не было и не было!

Они опаздывали!

Старый сказочник, а с ним Черепаха, Кузнечик и Стрекоза отступили, чтобы построить в конце этой улицы – а она вела прямо к площади Спокойствия, на которой высилась Башня времени, – вторую линию баррикад.

На дереве кончились яблоки. Стрелять Нику стало нечем. Мимо него свистели осколки времени. К яблоне направился небольшой отряд врагов. Вот их командир взмахнул рукой, и в Ника полетела граната. Но ему удалось ловко схватить её на лету и бросить обратно – в самую гущу отряда!

Раздался взрыв – и гномы сразу перестали двигаться. Они одряхлели и заржавели.

Ник воспользовался замешательством противника, соскочил с дерева и подобрал пару камней.

В этот момент Учителя географии задело несколько осколков. Он постарел и стал сутулиться.

– Отступай! – сказал Учитель географии. – Я постараюсь их немного задержать.

– Ещё можно не отступать, – сказал Ник. – Смотрите, их уже осталось не так много!

Действительно, армия Злого отставного кондуктора сильно поредела.

Но кончались и камни, отбиваться от гномов было нечем.

Они наступали неумолимо, как тучи.

Ник и Учитель географии отступили, взявшись за руки и делая вид, что им самим захотелось отступить.

Дальние баррикады остались в руках у врагов.

Глава пятая

Тайна злого Отставного кондуктора

У входа на площадь Спокойствия Старый сказочник сумел возвести баррикаду покрепче – улицу перегородил деревянным забором, завалил деревянными столбами, оплетёнными крепкой проволокой.

Этому укреплению не страшно было время, оно могло простоять долго. Да и защитников прибавилось, потому что на крик и шум собрались многие жители города. Правда, у них не было

ни командира, ни порядка, правда, они всюду опаздывали, часто некоторые из них просто уходили, куда вздумается, но всё же за крепким забором они почувствовали себя в полной безопасности.

– Хорошо бы узнать, какие у врагов планы, – сказал Ник.

– Сейчас слетаю, – отозвалась яркая Бабочка, которая всё порхала вокруг, не зная, чем бы помочь. – Слетаю, подслушаю.

Ник выглянул в щель забора – улица была пуста, противник ещё не появился.

Старый сказочник принёс ведро молока и большую краюху хлеба. Защитники баррикады присели перекусить. Они очень проголодались во время сражения, ведь это нелёгкое дело – отбивать наступление времени.

После обеда многих потянуло поспать. Лагерь защитников принял мирный вид – кто спал, кто книжку читал, кто смотрел в небо и отдыхал этим самым простым способом.

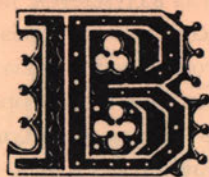
– Расскажите что-нибудь, – попросил Ник у Старого сказочника.

– С удовольствием, – сказал Старый сказочник. – Такая уж у меня профессия – при любых обстоятельствах рассказывать сказки.

И он начал.

СКАЗКА об украденной красоте

неведомом краю и среди неведомых нам людей жили-были два молодых друга.

Один из них отличался необыкновенной красотой и прекрасным характером. Он был и умный, и отважный, и весёлый, и добрый – нет на свете такого хорошего слова, которое о нём нельзя было бы ска-

зать. Жители городка, где произошла эта история, не могли нарадоваться и наглядеться на юношу, имя которого было Рао.

Его друг Кайдагай, ничем замечателен не был. Внешность у него была самая заурядная, характер тоже. Сколько он ни старался, ничего особенного придумать не мог. И мечталось ему только о таком, что и мечтою не назовёшь, а скорее назовёшь обыкновенным желанием, каких у каждого человека бывает за жизнь множество.

Рао всё время придумывал что-нибудь – то жидкость, от которой все растения становились исполинского роста, то безвредный состав, от которого людям становилось весело на душе; то он выращивал поющие цветы, то учился летать без помощи механизмов. А уж если он начинал мечтать, то тут только держись!

Внешне Кайдагай всегда казался очень спокойным и ко всему немного равнодушным. Но это так казалось.

На самом деле внутри него словно горел неугасающий и нестерпимый огонь, и не знал он от этого огня ни минуты покоя, ни секунды отдыха. Жгло его нехорошее чувство. Он завидовал Рао.

Потому что того все любили. Потому что тот был красивее. Потому что тот всегда придумывал интересное.

И Кандагай не спускал глаз с Рао, ходил за ним по пятам, присматривался к его походке и манере говорить, повторял его слова и не показывал в виду, что завидует.

И люди стали называть Кайдагай и Рао друзьями.

Городок, о котором идёт речь, лежал в горной долине среди диких гор. Горцы разводили коз и яков, выделявали шкуры, шили меховые одежды.

Однажды в одном горском селении вспыхнула страшная и неизвестная врачам болезнь. Люди, поражённые этой болезнью, совершенно не могли выносить света и бежали от него, как бешеные животные бегут от воды.

Болезнь быстро распространилась в горах. Больные убегали и прятались в самые глубокие и тёмные пещеры, и никакими силами нельзя было заставить их выйти на белый свет.

Врачи не знали, что делать с этой светобоязнью – так называли они эту новую болезнь. Никто уже не решался помогать заболевшим – все, кто к ним приближались, тотчас заболевали сами. Горцы слали в городок почтовых голубей с призывами о помощи.

Городские врачи стали искать средства помочь заболевшим. Переговорили они со всеми местными знахарями, списались со всеми своими коллегами в других городах и странах, но никто ничего не знал об этой болезни.

Рао тоже искал, и ему повезло – в одной старинной книге о путешествиях в дикие страны он нашёл описание этой болезни. Она поражала когда-то племена людоедов, и путешественник описал её и сообщил, что от этой болезни есть средство, очень простое, но такое, до которого врачам ни за что бы не додуматься. Путешественник писал, что надо лечиться мазью из анютиных глазок и не есть людей – и больной сразу выздоравливал.

Трудно сказать, почему началась эта древняя болезнь среди горцев. Может быть, кто-то из них был чересчур мрачный и всё на свете увидел однажды в таком чёрном свете, что свет стал ему не мил, и он заболел светобоязнью, а от него заразились и другие. Может быть, эта болезнь передалась по наследству от какого-нибудь людоеда.

Горожане поспешили изготовить побольше лекарств, описанного в книге, и послать на помощь горцам всех весёлых людей – мрачные остались дома, чтобы не заразиться.

И первым среди отправившихся в горы был, конечно, Рао. А с ним пошёл и Кайдагай.

Спасители долго разыскивали заболевших. Те забились подальше от света, спрятались от солнечных лучей в пещеры и только по ночам выходили искать пищу. Они одичали.

Особенно много больных оказалось в труднодоступных пещерах, которые на многие километры уходили под землю и были запутаны, как лабиринт. Через узкий вход человек попадал в эти пещеры, которые ветвились в совершенной темноте, петляли и так запутывали человека, что тот забывал и терял дорогу, не мог выбраться и погибал в сырых и чёрных подземных переходах. Местные жители знали тайные и укромные места в этих пещерах, и многие, заболев, укрылись в них.

Проникнуть в пещеры и разыскать больных вызвался Рао.

С ним отправился Кайдагай.

Медленно продвигались они в темноте. Рао шёл впереди.

Страшно было Кайдагаю. Казалось ему, что гора вот-вот сожмётся и его раздавят тесные каменные стены пещеры. Летучие мыши пугали его. Паутина липла к лицу. Но Кайдагай стиснул зубы и шёл вперёд, держась за Рао, как всегда, подражал каждому его жесту.

На одном из поворотов Рао задел плечом угол пещеры – и огромный камень качнулся от стены. Ещё мгновение – и он крепко загородил бы проход!

Но Рао успел подпереть падающую глыбу плечом, а Кайдагай подкатил камень, который подсунул под обвалившуюся скалу. Еле держался этот угол пещеры, но всё-таки держался.

Друзья пошли дальше.

Вскоре они услышали стоны и крики больных, потревоженных светом их карманных фонариков. Они погасили свет и пошли на голос.

Одного за другим исцеляла пострадавших чудесная мазь, и вскоре все были здоровы и пошли по пещерам к выходу. Выздоровевшие так радовались и спешили попасть на свет, что пошли вперёд, а Рао шёл последний.

— Ой, — сказал вдруг Кайдагай у того опасного поворота, где громадная глыба ещё держалась — Я повредил себе ногу, Рао.

Они остановились. И когда Рао нагнулся, чтобы посмотреть, что случилось с ногой Кайдагая, тот сильным ударом камня оглушил Рао.

Горцы так спешили и так шумели от радости, что не слышали ничего — ни того, как вскрикнул Рао, ни того, как глухо стукнула отваленная Кайдагаем глыба, замуровавшая Рао в пещере. А когда они вышли на свет, то один из друзей был с ними.

Но из пещеры вышел Рао!

Нет, это был не Рао. Это был Кайдагай. Но он стал так похож на Рао, что ни один человек на свете не мог бы их отличить. Та же походка, те же движения, та же манера говорить, тот же смех.

Наконец, то же лицо.

Вы уже поняли, конечно, что произошло в пещере — Кайдагай оглушил Рао камнем и украл у него красоту!

— А где же Кайдагай? — спросили у Кайдагая.

— Когда мы блуждали в пещерах, мы нашли выход на противоположном склоне горы! — ответил Кайдагай. — Кайдагай побоялся идти дальше и убежал.

Горцы благодарили Кайдагая и подарили ему кучу подарков.

А в городе его ждал настоящий триумф, как римского полководца. Жители города кричали ему «ура!».

Очень понравились Кайдагаю подарки и встреча. Погас огонь зависти, горевший в нём.

Но прошёл год, и стали поговаривать люди:

— Что-то неладное с Рао. Давно не слышно от него ничего нового.

— Точно подменили его, — качал головой один.

— И лицо у него теперь всё время одинаковое, равнодушное, как тыква, — говорил другой. — Что с ним случилось?

Конечно, не знали они, что не Рао перед ними, а Кайдагай. Только внешность у него Рао, а на самом-то деле он был по-прежнему Кайдагай!

Люди, когда попадали в трудное положение, привыкли ходить к Рао за советом. Ходили они и теперь, но слышали в ответ на свои вопросы только «вот оно что!», «трудное дело!», «ай-йй-йй!» и другие такие же пустые слова.

Однажды пришёл к нему человек с дочерью, которая заболела тоской. Она любила смотреть по ночам на луну, и вот слеза лунной печали попала ей в глаз! Вы ведь знаете, что луна на ночном небе всегда была очень одинока и часто печалилась. Тяжёлая тоска охватила девушку, ничто ей было не в радость, а только плакала она и горевала, — почему, и сама объяснить не могла.

Опытный врач сказал, что она излечится, когда посмотрит на необыкновенного юношу и полюбит его. И отцу посоветовали познакомить дочь с Рао, потому что нигде в мире не сыскать другого такого человека.

Но странное дело! Сколько ни смотрела девушка на Кайдагая, сколько ни говорили ей, что он самый необыкновенный человек на земле, она только отрицательно качала головой и продолжала грустить. Никакого впечатления он на девушку не произвёл.

— Здесь что-то не так, — сказали люди и стали внимательно присматриваться к Кайдагаю.

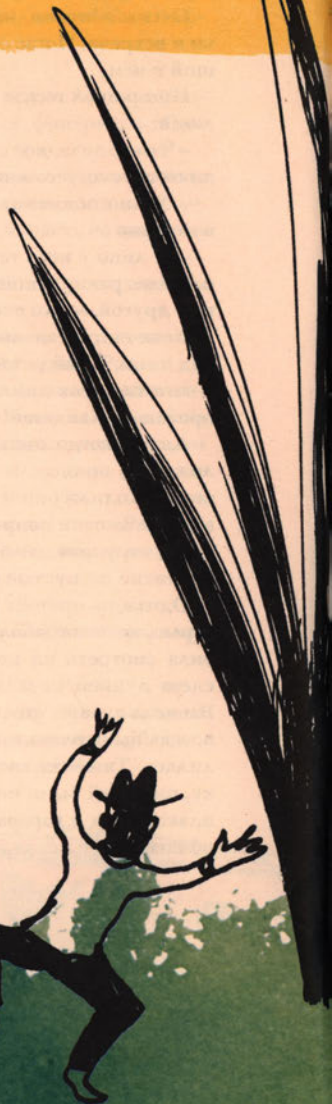
Он затревожился и не знал, что делать. Дни и ночи он проводил над портретами Рао, над его письмами и записными книжками, стараясь понять, чем же он отличается от настоящего Рао. Но понять не мог, и настроение его становилось всё отчаяннее.

И вот как-то ночью отправился Кайдагай в горы. Дрожа от страха, он вполз в знакомую пещеру и добрался до поворота, за которым бросил когда-то Рао.

Он услышал, что за камнем кто-то ходит!

Рао был жив, потому что больные, уходя, бросили все запасы пищи в природных ледниках пещеры, а пил Рао из ключа.

— Рао, — сказал Кайдагай, — я выпущу тебя на свободу, если ты скажешь мне, почему и теперь я не похож на тебя? Я такой же, как и ты, говорю, как ты, у меня твоя походка и твои слова, а всё-таки меня не любят так, как тебя! Скажи, в чём дело, и я клянусь, что выпущу тебя!

– Ты всё равно не поймёшь, – сказал Рао, – сколько тебе ни объясняй! Понимаешь, можно украсть чужую красоту, но вору это впрок не пойдёт, потому что рано или поздно все увидят, что это не его красота.

– Почему? – спросил Кайдагай.

– У меня надо было бы отнять меня, а это невозможно, потому что тогда было бы два меня, а я один, – сказал Рао. Но Кайдагай ничего не понял.

– Я ничего не понял, – сказал он.

– Я же говорил, что ты не поймёшь, – откликнулся Рао. – Если бы ты понял, то ты уже не был бы ты, а был бы не ты. А это невозможно. Ты это ты, и больше ничего.

Снова вспыхнул в душе Кайдагаю неумолимый огонь зависти и отчаяния. Упал он, как подкошенный, и закричал страшным криком, который копился в нём многие годы.

От этого крика вздрогнули горы и отозвались ему громом и шумом. Казалось, камни сошли со своего места и стали сталкиваться и биться друг о друга. Это началось землетрясение. И лопнула гора, в которой были пещеры, и вынесло Рао и Кайдагаю на самую вершину, откуда был виден чуть не весь мир. В страхе прижался Кайдагай к Рао, отдал ему украденную красоту и искал у него защиты, потому что верил, что только Рао может спасти его.

А Рао, получив назад своё лицо, с удовольствием потянулся, расправил плечи, посмотрел вокруг и сказал:

– Да, засиделся я в горе из-за тебя, дурака!

И он стал спускаться вниз, а Кайдагаю ничего не оставалось делать, как пойти следом.

– Вот такая есть история об украденной красоте, – сказал Старый сказочник.

– Я бы этого Кайдагая разорвал на мелкие кусочки, – сказал Кузнечик сквозь зубы.

– А я не позволила бы ему, во-первых, ходить больше за собой, – сказала Стрекоза, – а то он, во-вторых, опять что-нибудь гадкое сделает!

– Больная девушка, конечно, вылечилась, – сказала Бабочка, – Сказочник просто забыл об этом сказать. Он такой старый, что иногда забывает важнейшие подробности!

– Как, ты здесь? – спросил Учитель географии. – Ты же полетела в разведку!

– Ах, да, – сказала Бабочка. – У меня важные новости! Но я заслушалась истории и не сказала вам сразу. Вот беда!

– Да что за новость у тебя? – спросил Ник. – Говори скорее!

– В нашем городе слово «скорее» – это страшное ругательство! – сказала Бабочка. – Не смей его произносить! Я прощаю тебя только потому, что ты новичок и у нас сейчас война! А на войне иногда ругаются.

– Ну, рассказывай же, рассказывай, – затормошили её все.

Но вместо ответа Бабочка молча показала вверх. Они подняли головы.

Синее небо пожелтело от множества ос – песочных и одиночных, древесных и обыкновенных, маленьких, как муравьи, и больших шершней, гудевших, как бомбардировщики.

– Вот, – растерянно сказала Бабочка. – Я опоздала вас предупредить. Это напустил Мармаджан.

Защитники баррикад были захвачены врасплох. Обороняться было нечем.

– Да, я забыла, – сказала Бабочка, спохватившись. – Я узнала тайну Злого отставного кондуктора. Он собирается выпустить Зловещего петуха и Торопливые шаги!

– Он хочет захватить Башню времени! – закричал Учитель географии.

– Выпустить Зловещего петуха и Торопливые шаги... – задумчиво сказала Черепаха.

– И нам придётся вечно торопиться под шорох этих шагов, – сказала Стрекоза. От волнения она забыла добавить «во-первых» и «во-вторых». А, может быть, ей просто некуда было их добавить?

– И вздрагивать по утрам от петушиного крика, противного, как звон будильника! – сказал Кузнечик.

– И нам, черепахам, придётся бегать друг с другом наперегонки, – задумчиво сказала Черепаха, и слёзы выступили у неё на глазах.

– И уже никто не будет иметь времени читать «Сказочную правду», – вздохнул Старый сказочник.

– Я предпочитаю умереть, – сказал Кузнечик.

– Их надо отгонять дымом, – сообразил Ник и показал на ос.

Кто-то поджёт охапку соломы, принесённую с чьего-то двора. Кто-то притащил паяльную лампу и стал жечь всё, что только горело. Кузнечик подпалил вонючую киноленту. Все отмахивались от ос, чем попало.

Гудение ос, воинственные крики ужаленных, шум паяльной лампы!

Клубы дыма, оранжевые языки пламени, мелькание рук, шапок, полотенец, полосатые, как у тигров, спинки ос!

Нестерпимая вонь киноленты, запах керосина от паяльной лампы, душливый дым!

И сквозь всю эту неразбериху защитники услышали:

– Тик – так! Тик – так!

Это наступали остатки армии гномов.

Баррикада пылала, зажжённая собственными защитниками. То один, то другой выскакивал из дыма сражения, хватаясь за ужаленные места, и спасался бегством, яростно отбиваясь от преследующих его ос.

Осы – злые, похожие на тигров, вечно торопливые и надоедливые осы! Это Мармаджан из последних своих волшебных способностей натравил их на защитников!

– Спасайся в Башню! – крикнул Учитель географии Нику. – Старый сказочник уже там!

Но Ник решил перед отступлением сделать вылазку. Он схватил толстую палку, брошенную кем-то из защитников, и через заборы и дворы забежал в тыл наступающим гномам. Пожар баррикады задержал их, и они маршировали на месте, ожидая своей очереди идти в атаку.

Ник налетел на них сзади и ловкими ударами стал сбивать одного за другим, ряд за рядом, как крапиву. Со звоном разлетались гномы. Их командиры не сразу сообразили, в чём дело.

– Негодяй! – услышал Ник голос злого Отставного кондуктора и оглянулся. Тот спешил к Нику, но пока он бежал, пока командиры разворачивали покорных, как машины, солдат, Ник успел истребить почти всю армию гномов. Увёртываясь от Отставного кондуктора, отмахиваясь от прилетевших на помощь гномам ос, Ник тем же путём пустился наутёк.

– Держи его! – заорал злой Отставной кондуктор, швыряя в Ника свою трубку.

Он перелез забор вслед за Ником и сейчас бежал ему наперерез, чтобы не выпустить со двора на улицу.

«Только бы успеть выскочить!» – подумал Ник. За воротами, в густом дыму, среди своих друзей, он был бы в безопасности. Он бежал со всех ног.

Но такой уж он был, что всюду опаздывал! Опоздал и на этот раз.

Злой Отставной кондуктор успел к воротам раньше Ника и хлопнул их перед самым его носом.

– Тут тебе и крышка! – сказал злой Отставной кондуктор. – Я закую тебя в цепи, заточу в подземелье под Башней времени, и ты никогда не попадёшь к своей маме!

– Крышка? – услышал Ник знакомый голос. – Где крышка?

Силач Папс вышел из-за дома. Через плечо у него было переброшено полотенце.

– Это так говорят, – торопливо объяснил Ник, – когда кого-то прихлопнули.

– А кого прихлопнули? – спросил Папс.

– Меня, – ответил Ник.

– Не морочь мне голову! – сказал Папс. – Чем же тебя прихлопнули?

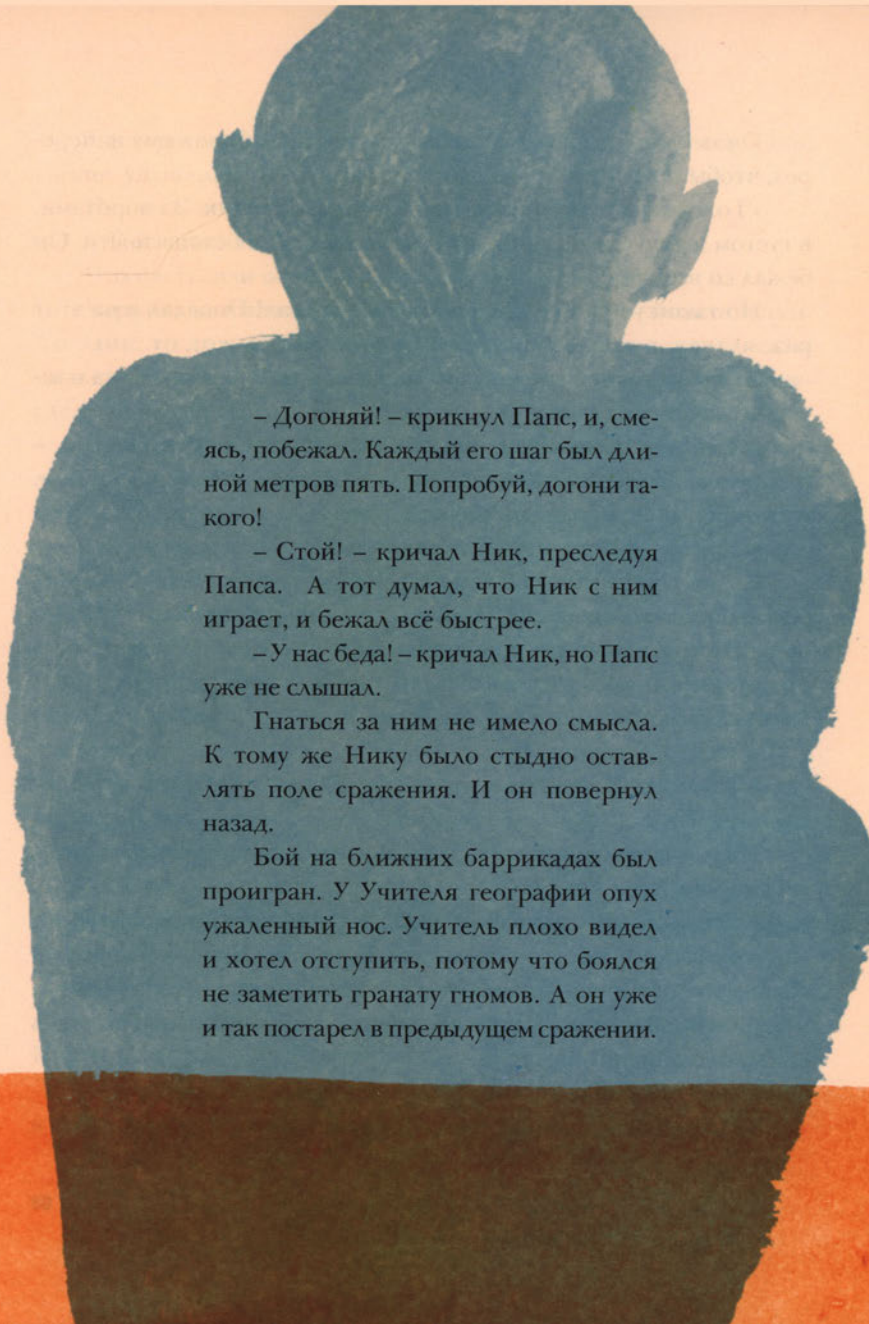
Но злой Отставной кондуктор не стал дожидаться, пока Папс всё поймёт, выскочил со двора и убежал.

– Где ты был? – спросил Ник Папса. – Мы тебя так ждали!

– Я был в интереснейшем месте! – сказал Папс. – Ты не можешь себе представить, что я нашёл! Понимаешь, речка, камни, пузырьки... Я не смогу тебе объяснить, пойдём, ты посмотришь сам! Это очень интересно!

И, не дожидаясь ответа, Папс пошёл в сад за дом.

– Подожди! – завопил Ник, бросаясь за ним.

– Догоняй! – крикнул Папс, и, смеясь, побежал. Каждый его шаг был длинной метровой пяди. Попробуй, догони такого!

– Стой! – кричал Ник, преследуя Папса. А тот думал, что Ник с ним играет, и бежал всё быстрее.

– У нас беда! – кричал Ник, но Папс уже не слышал.

Гнаться за ним не имело смысла. К тому же Нику было стыдно оставлять поле сражения. И он повернул назад.

Бой на ближних баррикадах был проигран. У Учителя географии опух ужаленный нос. Учитель плохо видел и хотел отступить, потому что боялся не заметить гранату гномов. А он уже и так постарел в предыдущем сражении.

Защитники баррикады быстро пересекли площадь и вошли в Башню времени. Старый сказочник запер за ними дверь.

– Здесь мы будем защищаться! – сказал он.

– Ник уничтожил почти всех гномов! – сказал Учитель географии.

– Они и не страшны нам в Башне, – сказал Старый сказочник. – Она стоит здесь с незапамятных времен. Никакое гущёное время её не возьмёт. Мы здесь в полной безопасности.

Снаружи сердито жужжали осы. Раздался голос злого Отставного кондуктора:

– Сдавайтесь! Весь город уже в наших руках. Правда, он этого ещё не знает, но факт остаётся фактом – город в наших руках, а не в ваших.

– Ты старый негодяй! – сказал Учитель географии. – Ты призвал на помощь волшебника Мармаджана, которому давно пора на покой и на пенсию! Родственники сколько раз предлагали ему это!

– Разве у Мармаджана есть родственники? – спросил Ник.

– Есть, – сказал Старый сказочник. – Его племянник – Начальник вокзала, который посадил тебя в поезд для опоздавших.

– Вот оно что! – сказал Ник. – А почему Мармаджан ездит в этом поезде и не хочет на покой?

– Он ведь тоже опоздавший, – сказала Черепаха. – Все волшебники давно уже окончательно опоздали, успокоились и тихо живут, никого не трогая и вспоминая молодость. А Мармаджан опоздал уйти на покой и вот ездит теперь по нашей дороге и делает нам гадости.

Дело дрянь

Глава шестая

Ворваться в Башню враги не могли. Вырваться из неё не могли осаждённые. И Учитель географии предложил, чтобы не скучать, осмотреть старую Башню.

Сначала он повёл всех в подвалы. Ничего особенно интересного там не было – все подвалы на свете похожи друг на друга. Массивные своды, каменные мешки и отсеки, тайники и подземелья.

– Всё это построили давным-давно, – сказал Учитель географии. – В незапамятные времена.

Тон у него был извиняющийся.

– Мне тут не очень нравится, – сказал Ник откровенно.

– Кому же тут может понравиться, – сказала Черепаха. –

Но смотреть полезно.

– Почему полезно? – спросила Бабочка. – Разве может быть полезно то, что не нравится?

– Глазам полезно, –
объяснила Черепаха не-
торопливо. – Яркости тут ника-
кой, всё серое, тусклое, вот глаза
и отдыхают. Да и воздух здесь не-
хороший, тухлый какой-то – вый-
дешь отсюда и особенно приятно
дышится.

– Сейчас мы уйдём, – ска-
зал Учитель географии, – но
прежде я хочу показать Нику
Торопливые шаги и Зловеще-
го петуха. Он ещё не видел.

Они подошли к массивной же-
лезной двери, большой, как ворота.
На двери висел замок. Учитель географии отодви-
нул заслонку на двери, образовалась щель.

– Смотри, – сказал он Нику.

Тот глянул в щель и стал всматриваться.

Сперва он ничего не видел, потому что за
дверью было темно, как в погребѣ. Потом раз-
глядел.

Посредине порядочного подземелья стоял петух – такой большой, что он скорее напоминал не петуха, а страуса, только, понятно, очень пернатого страуса. Стоял он неподвижно, нахохлившись и закрыв глаза.

– Ты спишь? – спросил Ник.

Петух вздрогнул, открыл глаза, посмотрел на Ника, склонив голову набок, и сказал:

– Спал.

– А почему ты зловещий? – спросил Ник.

– Разве сам не видишь? – неохотно сказал Петух. – Вон я какой огромный. И у меня железные лёгкие и железное горло. Поэтому стоит мне заорать поутру, как слышно на много вёрст окрест – точно паровоз загудит у тебя над ухом. И все вспоминают, что надо спешить. Конечно, это противно, потому что кто услышит – вздрагивает. А кому приятно вздрагивать! Оттого и на-

зываюсь зловещим –
предвещающим непри-
ятности. Будь я поменьше
да послабее, так тогда-то
что! Никто бы не возражал –
кричи, сколько душе угодно!
– А крикни! – попросил

Ник.

– Здесь не крикнешь, – сказал
Петух. – Акустика не та – подзем-
елье. Но всё-таки попробую.

Он выгнул шею, вытянул голову,
захлопал крыльями и крикнул:

КУ-
КА-
РЕ-
КУ!

Глухо и страшно прозвучал его ме-
таллический крик, заметался по подзе-
мелью, словно сияясь вырваться наружу,
но не смог, замер постепенно и неохот-
но. А от этого крика взлетели вдруг
с пола стаи старых Торопливых шагов,

которых Ник прежде и не заметил, заносились по подземелью, зашуршали, как летучие мыши, забились о стены, о потолок, одни пустились спешить в одну сторону, другие – в другую, сталкиваясь, налетали друг на друга. Пыль пошла столбом, как на дороге от марширующего отряда.

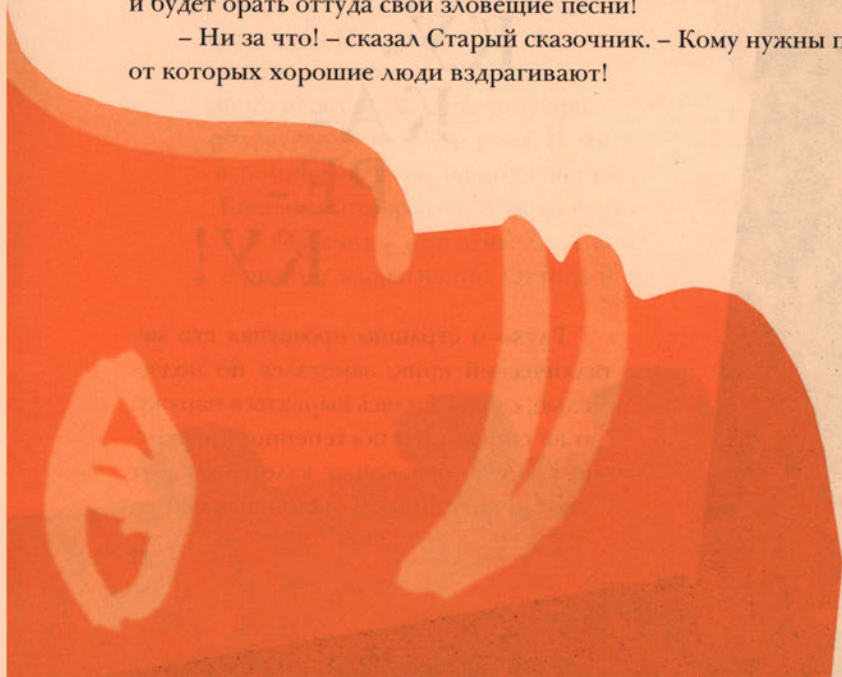
Петух презрительно наблюдал эту кутерьму. Глаз у него был жёлтый с белым и большой, как глазуня.

– Тяжело тебе на сердце? – спросил Ник участливо. Ему стало жалко Петуха, хотя тот и был очень зловещим.

– На сердце? – переспросил Петух удивлённо. – Нет, не тяжело. Я наполовину железный, а кроме того, сердце-то у меня какое – куриное. Разве ж это сердце.

– Какой неприятный тип, – сказала Черепаха, когда они оставили Петуха и поднялись снова в первый этаж Башни. – И подумать только, что такой очутится на самом верху Башни времени и будет орать оттуда свои зловещие песни!

– Ни за что! – сказал Старый сказочник. – Кому нужны песни, от которых хорошие люди вздрагивают!

Они стали осматривать Башню дальше.

Внутри всю Башню пронизывал металлический стержень, начинавшийся от основания шпиля и падавший вертикально до самой земли. Вокруг этого стержня висела винтовая лестница.

По этой лестнице они поднялись во второй этаж Башни.

Ник высунул голову из входного люка, огляделся, стал подниматься, вертя задранной головой – она у него пошла кругом, и в первый момент он ничего не понял, но потом разглядел, потому что света тут было достаточно – он шёл через застеклённые амбразуры.

Стены второго этажа были сплошь расписаны художником.

Роспись изображала, как маленький мальчик ест грушу.

Как весело он ел эту грушу! От радости одна нога его плясала на одной стене так, что получалась не одна нога, а много ног! Другая плясала на другой стене. Первая нога была красная, а вторая нога была оранжевая, чтобы её не спутали с первой ногой. Вернее, первые ноги были красные, а вторые ноги оранжевые, потому что и первой и второй ног было много. Хотя ног было много, но это были всё же две ноги, только они танцевали и поэтому казалось, что их много, а художник и нарисовал то, что его глазам казалось, – это был неопытный художник, необученный, который умел рисовать ещё только то, что кажется глазам, а не то, что всякий знает наверняка.

Руки у мальчика были необыкновенно большие – это и понятно, потому что и груша была не маленькая, а в четверть стены величиной! Это она казалась такой маленькому мальчику, который, наверно, очень хотел съесть эту сочную грушу, оттого она и казалась ему величиной с воздушный шар.

Рот у мальчика был от стены до стены, потому что без такого рта он не смог бы съесть такую грушу, и спасибо художнику, что догадался и нарисовал именно такой рот, как было надо. И всё свободное место на стенах и потолке занимали зелёные и оранжевые полосы, которые художник набякал, как попало – наверно, от радости, что мальчик съест сейчас спелую и вкусную грушу, художник расшалился и большущей кистью размазал всю оставшуюся краску.

– Эту комнату расписал наш знаменитый художник, – сказал Учитель географии. – Мальчик, который ест грушу, это он сам. Это его автопортрет.

– Да-а? – удивился Ник. – Как же он удержал такую большую кисть?

– Понимаешь, он съел здесь однажды грушу, и груша оказалась такая вкусная, что он захотел всем рассказать, что именно здесь он съел именно очень вкусную грушу. Пришлось построить особое приспособление, чтобы легче было справиться с огромной кистью. И он придумал: кисть сделал на длинной ручке, а к потолку привесил верёвку, к которой привязал кисть за середину ручки, чтобы она висела в равновесии. Тогда за другой конец можно было ею легко управлять.

– Здорово! – сказал Ник. Ему тоже очень захотелось что-нибудь расписать.

И третий, и четвёртый и все вообще этажи были расписаны, и все по-разному, и про каждый из них Учитель географии говорил:

– Это расписал наш знаменитый художник.

Только каждый раз это был уже другой художник, и все художники оказались разные и все оказались знаменитыми, и все были обыкновенными мальчиками, как Ник.

– Почему? – спросил он.

– Все люди твоего возраста – знаменитые художники, – объяснила Черепаха. – Только не все они знают об этом, а рассказать им это у других как-то не находилось времени.

– И не у каждого есть такая стена, – вздохнул Ник.

– Ну, стену найти, конечно, нетрудно, – сказал Старый сказочник. – Много пустых стен на свете.

– Не позволят, – сказал Ник, подумав.

– Почему? – спросил Кузнечик сквозь зубы. – Кому нужна пустая стена, на которой ничего не нарисовано?

А Бабочка подлетела к окну и стала любоваться узорами пыльцы на своих крыльях. Наверно, думала она, её нарисовал тоже какой-нибудь знаменитый художник. Дело в том, что Бабочка редко летала в школу и потому не знала, что узоры эти от природы. Невежественная была Бабочка насчёт собственной красоты.

Всё выше и выше поднимались они в Башне, укрывшей их от врагов. В подземелье ждали своего часа Торопливые шаги и Зловещий петух, на Башне снаружи замерли часы, и сама Башня, казалось, напряглась в ожидании решительных событий. Может быть, хотелось ей предупредить, чтобы её защитники были начеку, потому что враг

не дремлет, чтобы не забирались они так высоко, забыв про оборону и положившись на крепость башенных стен...

Но молчала Башня времени, и события шли своим неумолимым чередом.

Наконец, Ник осмотрел все этажи и поднялся вместе со своими друзьями на самый верх, откуда был виден чуть ли не весь свет, как он есть – через четыре окна можно было смотреть на четыре стороны света, а через пятое – прямо в небо.

Час уже был поздний.

Зажглись огни в домах, причудливые очертания которых стали в сумраке ещё необычнее. Некоторые дома напоминали раковины, птичьи гнезда, личинки и куколки. Некоторые были построены вокруг деревьев, так что ветки росли прямо из стен. Были такие, что возвышались полувитком, а были и такие, что и сравнить не с чем.

Вокруг домов росли густые и очень запущенные сады. Сбежала с гор и вилась к морю речка, на которой Папс увидел что-то необыкновенно интересное. Может быть, сейчас он стоял на берегу и грустил, что с ним нет Ника, которого он успел полюбить? А, может быть, он уже спал, потому что любил ложиться пораньше, как только солнце сядет? На следующий день у него была очень ясная голова, как он говорил.

Ник посмотрел на небо. Звёзд уже было полно, и вдруг звезда стремительно мелькнула по небу, оставив на нём светлую полоску.

– Метеор, – сказал Ник.

– Какой яркий! – вскрикнула Бабочка.

– Да, – сказал Старый сказочник. – Давным-давно будет, Ник, мальчик, который тоже увидит яркий метеор, мелькнувший в небе.

– Давно-давно будет? – спросил Учитель географии.

– Давно-давно был или давно-давно будет – не всё ли рав-

но? – спросил Кузнечик сквозь зубы. – Мне кажется, что не надо задавать вопросы, когда человек собирается рассказать сказку.

– Да, я действительно хочу рассказать сказку, – сказал Старый сказочник, – и не важно, было это или будет, потому что для сказки это несущественно.

– Жаль только, – сказала Бабочка, прихорашиваясь, – что рассказываете вы таким старомодным языком.

– Что поделаешь, – вздохнул Старый сказочник, – Недаром меня называют «Старым сказочником» – новые сказки рассказывать я не умею, а учиться, наверно, уже опоздал.

– Не надо перебивать, – сказала Черепаха, – а то мы так никогда и не услышим сказку, а услышим только много всяких слов про сказку.

– Лучше сказку, – сказал Ник.

И Старый сказочник начал.

СКАЗКА об ожившем луче

Слышал я, – сказал Старый сказочник, – что есть в необъятном звёздном небе другая планета, а на ней есть другая страна, в которой имеется другой город.

В этом городе на окраине есть и другой дом, а в нём другой мальчик. Видите, сколько получилось другого, но мальчик был такой, как все мальчики повсюду.

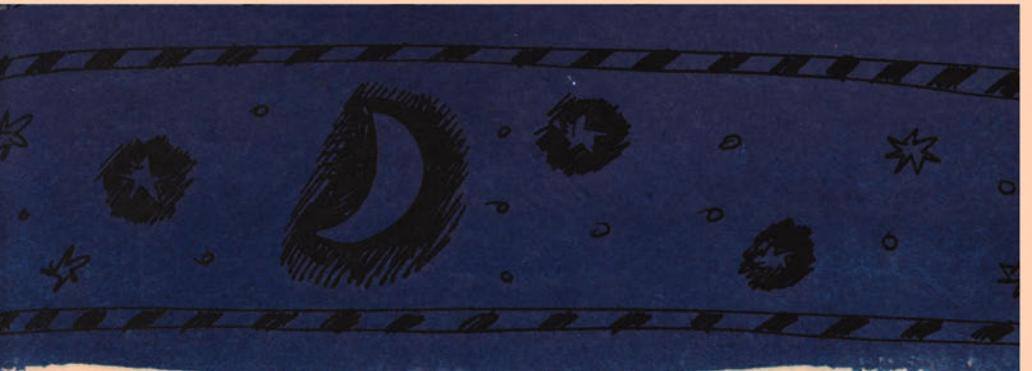
Однажды зимней ночью этот мальчик – дадим ему самое простое имя на свете, назовём его А, – так вот этот мальчик по имени А однажды зимней ночью не спал, а почему – и сам не знал. И он вышел из дому, чтобы подышать свежим воздухом.

И увидел этот мальчик, как пронёсся по небу метеор, такой яркий, что луна, сиявшая в морозном воздухе, показалась А тёмно-синей, небо оранжевым, а деревья, засыпанные снегом, и дом – чёрными.

Потом вспышка погасла, и снова с бесцветного неба луна заливала всё вокруг зеленоватым светом. Задумался А – что бы это такое могло быть?

И вдруг легла рядом с ним на снег синяя тень – точно встал за спиной человек.

Обернулся А и увидел незнакомого человека.

-
- Здравствуй, – сказал незнакомец.
 - Здравствуйте, – сказал А. – Кто вы?
 - Я издалека, – ответил незнакомец.
- Он стал жить у родителей мальчика.

На следующий день началась весна, да такая дружная, какой никогда ещё не было.

С шумом потекли весенние потоки, с шумом врывался в дома солнечный свет, с шумом лопались на деревьях почки, выскакивали из земли первые цветы – синие и белые, понеслись по небу птицы, загудели пчёлы, проснувшиеся после зимнего сна.

Люди повеселели, а мальчишкам всё стало трын-трава, потому что они были заняты по горло всякими весенними делами.

Все любили незнакомца, который успевал и с мальчишками поиграть, и по окрестностям побродить. Казалось, он был одновременно с разных мест, такой он был подвижный. И только А знал, что на сердце у незнакомца лежит забота.

Узнал он об этом вот как.

Однажды вечером незнакомец вышел на улицу, на которой играл А, и стал пристально смотреть на север, где клубились тучи. Потом он подошел А и спросил:

- Ты не знаешь, кто поселился в конце этой улицы, вон в том доме?
- И он показал, в каком.
- Не знаю, – сказал А. – А что?
- Хорошо бы узнать, – сказал незнакомец. – Понимаешь, я должен не пропустить одного человека, когда он появится.
- Какого человека? – спросил А.
- Нехорошего человека, – ответил незнакомец. – Беда в том, что я не знаю, как он будет выглядеть.

– Почему он нехороший? – спросил А.

– Он может занести сюда неприятность, – ответил незнакомец, но больше ничего рассказывать не стал.

Мальчик решил узнать, кто там поселился.

На следующее утро он пустил кораблик по ручью, протекавшему рядом с тем домом. Быстро бежал по волнам кораблик, а за ним бежал мальчик. Ручей вертелся туда и сюда, кораблик наткался на берега, вода журчала, и А забыл всё на свете. И вдруг он стукнулся головой в живот какой-то старушке!

Ему стало так неудобно, словно за воротник ему потекла струйка холодной воды. Он извинялся и так, и эдак, а старушка сердито смотрела на него. Потом она спросила:

– Кто это поселился у вас в доме?

– Я не знаю, как его зовут, – сказал А.

– А что он делает? – спросила старушка. – И откуда он?

– Он сказал, что он издалека, – ответил А. – И он ничего не делает – просто живёт.

И тут он спохватился и посмотрел на старушку повнимательнее.

Но старушка была совершенно обыкновенная.

Она сказала:

– Ты не говори ему, что встретил меня. Я его знаю немного, он сын моей старой приятельницы.

Но, конечно, А всё рассказал незнакомцу. Тот подумал и сказал:

– Несомненно, она тот человек, которого я жду. Ты говоришь, обыкновенная старушка? А не заметил ли ты, не было у неё чего-нибудь в руках?

– Было, – вспомнил А. – Небольшая шкатулка была у неё в руках.

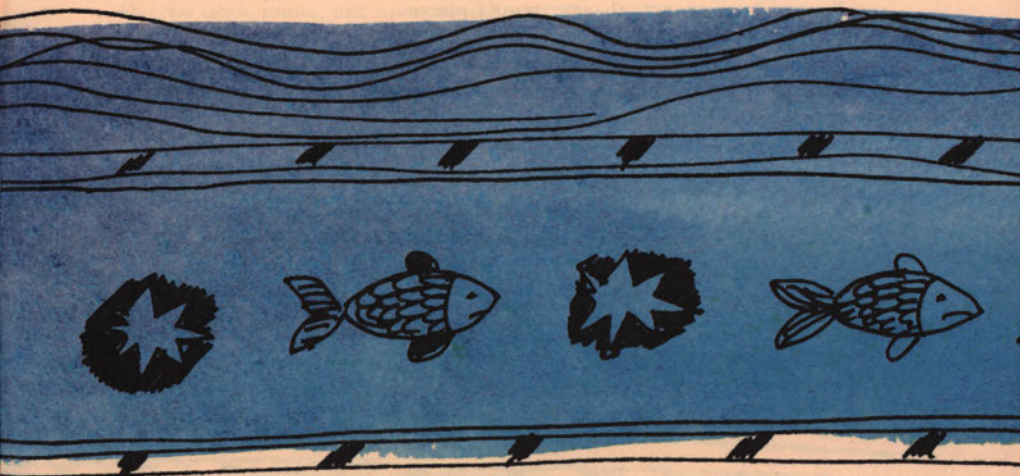
– Всё понятно! – сказал незнакомец.

– Однажды я заметил, – сказал он, помолчав, – что дым из трубы одного дома летит не по ветру, а против ветра – прямо к тучам. Я понял, что там появился кто-то из моих врагов. Теперь я начну с ним войну, но мне нужна твоя помощь. Слушай внимательно: если ты увидишь, что я исчез, бросайся к врагу, хватай шкатулку и разбей её! Что бы тебе ни говорили, что бы ни происходило вокруг тебя – разбей шкатулку!

– Хорошо, – сказал А.

– Ты не испугаешься? Ты не забудешь, что должен разбить шкатулку не смотря ни на что?

– Нет, – сказал А. Потом спросил: – Как вас зовут? Вы никому не говорите вашего имени.

- У меня и нет имени, - ответил тот.
- Я хочу, чтобы у вас было имя, - сказал А.
- Хорошо, - сказал незнакомец. - Назови меня, как хочешь.
- Вам очень трудно найти имя, - сказал А.
- Ты знаешь какую-нибудь звезду? - спросил незнакомец.
- Знаю, - сказал А. - Например, Сириус знаю.
- Вот и зови меня Сириус, - сказал незнакомец.

Тем временем погода испортилась. Небо застлали чёрные тучи, похолодало и начал падать снег.

- Мы с тобой слишком долго разговаривали, - сказал Сириус (теперь и мы будем называть его так). - Видишь, что делается!

И он зашагал к тому дому, где жила старая женщина.

За ним пошёл А.

Подходя, они заметили, что из трубы клубится густой дым, столбом поднимающийся в небо. Казалось, именно из этого дыма получались чёрные тучи.

- Видишь, что делается! - повторил Сириус.

Дверь дома открылась, и на улицу торопливо вышел молодой человек. Он посмотрел внимательно на Сириуса и на А, усмехнулся развязно, сплюнул им навстречу и пошёл прочь, напевая марш. Сразу было видно, что он хулиган. Подмышкой он нёс свёрток.

Сириус быстрыми шагами подошёл к двери и постучал. Никто не ответил. Он толкнул дверь – она не поддавалась. Тогда он ударил в неё плечом – дверь распахнулась, как от порыва ветра. Они вбежали в дом – он был пуст.

– Сюда! – сказал Сириус, устремляясь на кухню.

Там горела большая печь. Сириус открыл дверцу – печь была полна чёрного дыма. Сириус щёлкнул пальцами – и тонкий луч яркого света ударил в середину дыма. Раздалось шипение, дым стал оседать, и тотчас сзади кто-то спросил:

– Что вам здесь надо? Немедленно уходите!

Они обернулись. В комнате стоял молодой человек, которого они видели давеча у дома. Вид у молодого человека был яростный и угрожающий.

– Зачем вы зажгли это? – спросил Сириус.

– Мне так нравится! – сказал молодой человек. – Это не ваше дело! Уходите отсюда!

– А мне это не нравится, – сказал Сириус спокойно. – И я потушу.

Он опять щёлкнул пальцами, и опять тонкий луч ударил в печку. Дым быстро осел, шипя, как проткнутый мяч. Молодой человек бросился вперёд и встал между Сириусом и печкой. Он поднял руки, и его ладони задымались. Комната сразу наполнилась дымом – таким густым, что ничего не стало видно. И в этой темноте началось такое, что А никогда не мог забыть и всегда вспоминал с удовольствием: началась почти настоящая гроза, толь-

ко не совсем настоящая, потому что происходила она в небольшой кухне.

Сверкали ослепительные молнии, гремел гром, шипели тучи дыма, и в этой кухне мелькал иногда Сириус, двигавшийся стремительно, иногда молодой человек, воздевающий руки к небу, и озарялись углы комнаты, и казалось, пол качается под ногами, как лодка в бурю, и лица сражающихся тонули в новых и новых клубах дыма.

– Уходи! – сказал Сириус.

Молодой человек вышел из комнаты, и вскоре его шаги послышались на улице. Он удалялся, насвистывая марш.

– Он что-то задумал! – сказал А.

– Шкатулка! – вскричал Сириус. – Идём!

Он бросился на улицу, но молодой человек был уже далеко, – в самом конце улицы. Сириус пошёл за ним, А старался не отставать.

За городом начинались рощи и леса, и в них скрылся молодой человек. Сириус и А зашагали следом.

Погода быстро улучшалась, как это часто бывает весной, когда и ветер переменчив, и снег может пойти, и дождь может брызнуть, и может выглянуть солнце, а может быть и такая погода, когда не разберёшь, что же это за погода – тут и солнце, и дождь, и снег, и туман, и переменчивый ветер сразу.

Сейчас тоже было неясно, какая установится погода, потому что ещё не все тучи покинули небо, ветер доносил отдельные снежинки, а иногда брызгал дождик.

За городом было пустынно, а Сириусу очень хотелось расспросить кого-нибудь, куда направился враг. И вот на его счастье показался вдали человек – какая-то женщина несла из лесу вязанку сухих ветвей.

– Вы не встретили молодого человека со свёртком в руках? – спросил Сириус.

– Встретила, – сказала женщина. – Вон за тем леском встретила, он шёл прямо по дороге.

Сириус внимательно посмотрел на неё. Она заметила его пристальный взгляд, быстро отскочила в сторону, сбросила вязанку и выхватила из неё уже знакомую нам шкатулку.

Дальше всё произошло с такой быстротой, что часы не успели бы тикнуть!

Женщина открыла крышку шкатулки, внутри которой было темно, как в пропасти.

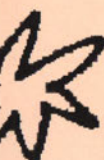

– Посвети! – крикнула женщина злым голосом. Вы уже, конечно, догадались, что это была за женщина.

Сириус вздрогнул. Тотчас вспыхнул ослепительный свет, и словно молния ударила в чёрную дыру шкатулки. Мальчику показалось, что он разглядел в этой черноте контуры скал и провалов, бездонных и страшных, в которых клубился мрак. И тотчас женщина захлопнула крышку шкатулки.

Сириус исчез.

И тут А вспомнил, что говорил ему Сириус, когда они отправлялись в путь. Он выхватил у женщины шкатулку и оглянулся, о что бы её разбить. Но рядом ничего не было подходящего – ни камня, ни дерева, и А бросился со всех ног к лесу.

– Стой! – услышал он сзади жалобный голос, ему почудился даже стон, он хотел было остановиться, чтобы посмотреть, что случилось, но вспомнил – прежде всего надо разбить шкатулку.

– Негодяй! – услышал он сзади голос молодого человека. – Отдай мою вещь! Держи вора! Стой! Ты украл мою вещь, как тебе не стыдно! Ведь тебя все считали честным мальчиком! Стой, воришка!

Ужасно обидно было А выслушивать такие слова! Он очень хотел остановиться и объяснить, что он выполняет просьбу своего друга, но он не остановился, потому что обещал Сириусу.

И хорошо сделал, что не остановился, потому что сзади гнался за ним молодой человек, быстрый, как гончая собака. Женщина с вязанкой исчезла.

– Не уйдёшь, воришка! – закричал молодой человек, хватая А у самого леса.

Из последних сил А бросил шкатулку, она ударилась о ствол дерева и раскололась. Новая вспышка света озарила всё вокруг, и рядом с собой А увидел Сириуса. Как у него горели глаза! Видимо, он не на шутку рассердился. Засверкали лучи, слетавшие с его пальцев, загредел гром. Из разбитой шкатулки выкатился чёрный шар, который медленно стал подниматься вверх, подхваченный ветром – словно шаровая молния попала в небо, только совершенно чёрная шаровая молния! В небе шар осветило солнце, выглянувшее из-за тучи, и он со страшным грохотом взорвался. Чёрное облако, в котором А увидел очертания скал, провалов бездонных ущелий и пропастей, с клубами мрака, понеслось по небу и скрылось.

Молодой человек побегал от Сириуса прочь и исчез за лесом. Вскоре и оттуда появилось тёмное облако и уплыло вслед за первым. А показалось, что он видит в облаке фигуры старушки, молодого хулигана, женщины с вязанкой – всех тех, чей вид принимал их враг.

Не торопясь, пошли домой Сириус и мальчик. Погода прояснилась, но солнца уже не было – оно село сразу, как только кончилась битва. Когда они вернулись в городок, на небе уже зажглись первые звёзды.

– Спасибо тебе, – сказал Сириус. – Без тебя я бы погиб.

– Она сама разбилась, – сказал А.

– Это тебе показалось, что сама, – сказал Сириус. – Если бы ты хоть раз оглянулся или остановился, ты не успел бы подбежать так близко к лесу, и тогда всё скверно бы кончилось. Без тебя я бы погиб.

– Зачем вы послушали женщину, когда она сказала вам – «посвети»? – спросил мальчик.

– Разве ты не понимаешь? – удивился Сириус. – Когда я увидел в этой волшебной шкатулке такой мрак и услышал её слова, я не мог не прыгнуть в эту шкатулку, хотя я и знал, что это очень опасно. Враги давно разузнали про это наше свойство и пользуются им всюду.

Они подошли к дому А. Было уже темно.

Сириус остановился.

– Мне пора, – сказал он мальчику. – Я сделал своё дело, мне надо возвращаться.

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – сказал А.

– Ничего не поделаешь, – сказал Сириус. – Меня ждут в других местах. До свидания!

– До свидания! – сказал А.

Ему было очень грустно, но он крепился и старался быть весёлым, как и его друг. Они крепко пожали друг другу руки, и Сириус крупными шагами вышел за ворота. И снова, как в ту ночь, по небу пронёсся ослепительно яркий метеор, от которого всё вокруг стало оранжевым, а луна в небе – тёмно-синей, почти чёрной. И мальчик услышал знакомый голос:

– До свидания, не забудь меня!

– Вот такая есть история про оживший луч, – сказал Старый сказочник.

– Он не забудет его, – сказал Ник.

– Почему ты кончил так, словно ещё что-то будет? – спросила Бабочка.

– Так получилось, – ответил Старый сказочник. – Я нечаянно. Так получилось.

– Что-то грустно у тебя получилось, – сказала Бабочка с сомнением.

Но долго разговаривать им не пришлось – было уже поздно, и они легли спать, спустившись в нижний этаж Башни.

Конечно, они опоздали лечь спать и поэтому опоздали проснуться, а когда проснулись, то было уже поздно – враги успели осуществить очередное коварство.

Вокруг Башни времени почти на треть высоты лежали дрова, сухие ветки и солома. Пахло бензином, которым злой Отставной кондуктор полил эту кучу. Стоило только

поднести к ней спичку, чтобы она вспыхнула. И тогда в Башне стало бы нестерпимо жарко, и защитникам её пришлось бы либо погибнуть, либо открыть Башню.

Для того, чтобы они могли выйти и сдаться, вход в Башню был оставлен свободным.

– Ваше дело дрянь! – раздался голос злого Отставного кондуктора. – Если вы посмеете сопротивляться, я тотчас зажгу кучу, и тогда вам каюк!

– Мы умрём, но не откроем тебе Башню! – сказал Учитель географии, и хотя он твёрдо это сказал, но побледнел – ведь он был не один!

– Давайте договоримся! – сказал злой Отставной кондуктор. – С побеждёнными всегда приятно и легко договариваться. На каких условиях вы выйдете из Башни?

– Это наш последний шанс на спасение! – тихо сказала мудрая Черепаха. – Я вспомнила: из Башни есть потайной ход. Он узкий, но Ник сможет по нему выбраться. И пусть он отправляется на поиски Папса, а мы постараемся затянуть переговоры.

А громко она сказала:

– Мы застигнуты тобой врасплох, Отставной кондуктор, и поэтому прежде, чем сказать тебе наши условия, мы должны посоветоваться. Ведь это очень неприятно, – вести переговоры, когда тебя поставили в безвыходное положение!

– То-то! – сказал злой Отставной кондуктор. – Хорошо, что вы понимаете своё положение, а то с побеждёнными такие хлопоты, когда они этого не понимают! Я подожду немного, только вы скорее! Пошевеливайтесь!

– Фу, как он ругается! – сказала Бабочка презрительно.

Черепаха повела Ника к подземному ходу, а остальные сели в кружок и стали гудеть, чтобы казалось, что они совещаются.

Глава седьмая

Папс успеваеТ

вовремя

Подземный ход вёл длинными переходами, которые становились всё уже и уже. Кончался он решёткой.

– Ты пролезешь? – спросила Черепаха. – Ведь ты тоненький!

– Попробую, – сказал Ник.

– Мне неудобно говорить это, но если Папс опоздает, то мы все сгорим смертью храбрых, потому что ты же понимаешь – мы ни за что не откроем кондуктору Башню, а через эту решётку многим из нас не пролезть.

Ник очень хотелось сказать, что он поспешит, постарается отыскать Папса поскорее, но он помнил, что слова «скорее» и «быстрее» это ругательства в этом городе, и потому он вежливо ответил:

– Я постараюсь, чтобы Папс успел вовремя!

И со всех ног пустился к реке.

Первый, кого он увидел на берегу, был мальчик, который лежал на песке и мечтательно смотрел вверх.

– Ты не видел Папса? – спросил Ник.

– Папса! – вздохнул Мечтательный мальчик. – Однажды этот Папс проголодался и съел весь рынок. Он глотал кувшины вместе с молоком и ягоды вместе с корзинками. Это грубый человек, он ничего не понимает в небесной лазури.

– Ты не видел его? – спросил Ник.

– Я видел его миллионы раз, – сказал Мечтательный мальчик. – Он ничего не понимает в небесной лазури.

Когда вчера я показал ему речку у камней, то он чуть не упал в воду от радости, потому что в каждом пузырьке он увидел по Папсу! Грубый человек!

– Где он сейчас? – спросил Ник.

– Не знаю, – сказал Мечтательный мальчик. – Это не имеет значения.

И снова стал смотреть в небо.

Ник понял, что от такого человека многого не добьёшься, и побежал дальше.

Вскоре он увидел большеголового мальчика, который удил рыбу.

– Ты не встречал Папса? – спросил его Ник. – Он должен быть где-нибудь недалеко.

– Недалеко это то же самое далеко, к которому прибавили не, – сказал Головастый мальчик. – Прибавили не и от далеко отнялось далеко. Прибавили – а отнялось. Здорово, да?

– Я тебя спрашиваю о Папсе, – сказал Ник.

– Чтобы сказать слово «спрашиваю», – сказал рыбак, – нужно перепрыгнуть через эр. А это нелегко тому, кто не может сказать эр. Хорошо, что и без эр понятно, а вот слово «подружка» без эр получается «подушка», хотя уха два у человека, а не одно. Спали на боку, вероятно.

– Я ничего не понимаю, – растерялся Ник.

– Пони – маю, – сказал Головастый мальчик. – Пони что-то подарили маю, а, может быть, кто-то просто прошёлся по не маю, а по чему-то другому, например, по дорожке. Шёлся, шёлся и прошёлся, весь вышел, ничего от него не осталось. А было

пони и был май. Здорово, да? Смотри, что получилось: у кого-то был пони, где-то был май, кто-то шёл по дорожке и ушёл так далеко, что исчез с дорожки начисто!

– Ты играешь, – понял наконец Ник.

– Да, – ответил Головастый мальчик. – Рыбу ловлю и играю. Здорово, да? Не играть разучился. Говорить ни с кем не могу. Рыбу ловлю. Молча. А про себя играю.

– Мне некогда, – сказал Ник. – Ты не видел Папса? Скажи по-человечески.

– Постараюсь, – сказал Головастый мальчик. – Я... видел... Папса.. Он... папса... мамса... лежит... за вон тем кустом... куста... уста, до ста, тра-та-та-та! Вот! Папса, мамса!

– Я понял, – сказал Ник радостно, – он лежит за вот тем кустом?

Головастый мальчик обрадовался, что Ник понял его, но больше ничего не сказал, а только показал рукой, за каким кустом.

Ник бросился туда.

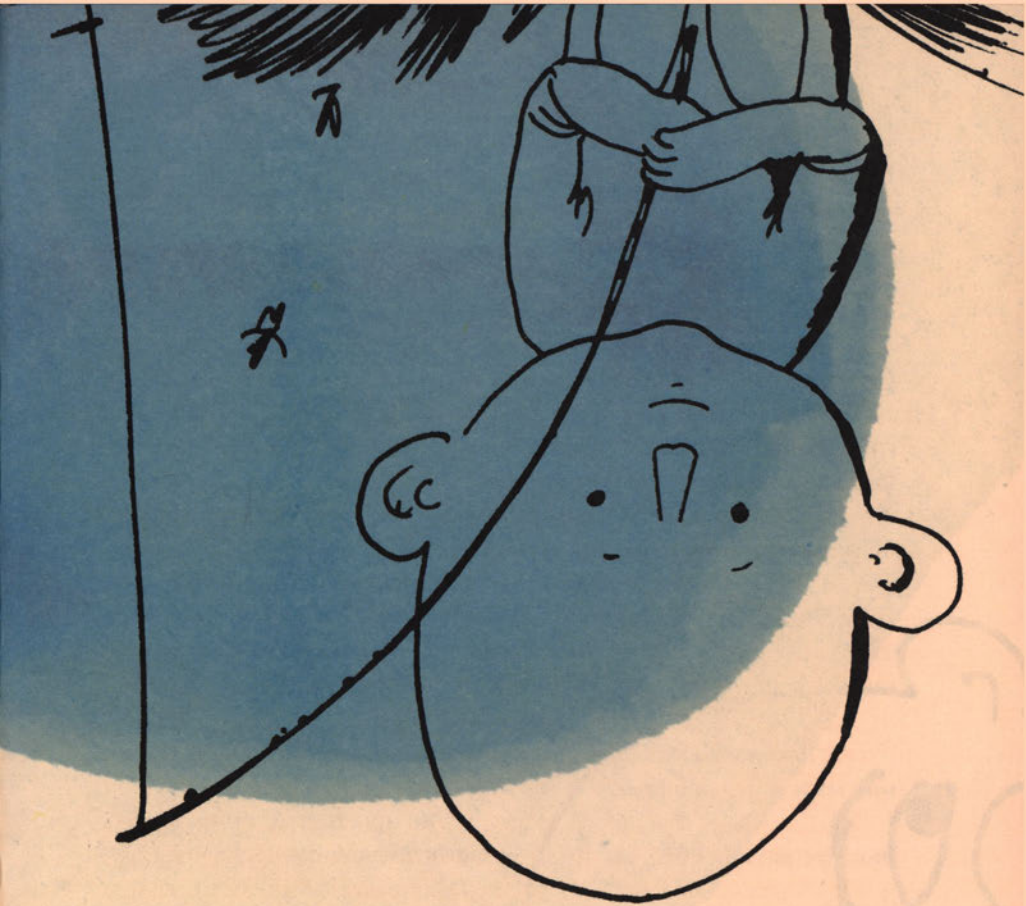
За кустом лежал Папс и спал, как убитый.

– Папс, вставай! – стал тормошить его Ник. – Наши погибают в Башне! Бежим на помощь!

Папс открыл глаза.

– Ник! – обрадовался он. – Понимаешь, я смотрел на пузырьки воды в речке у камней! Я смотрел на них почти целые сутки и при-

лёг отдохнуть. Ник, там в каждом даже самом маленьком пузырьке по Папсу, только очень непохожему! Пойдём, ты посмотришь!

– Папс! – сказал Ник, хватаясь за него обеими руками. – Папс, наши погибают в Башне, которую вот-вот подожжёт злой Отставной кондуктор.

– Но ведь Башня каменная, – сказал Папс. – Камень не горит!

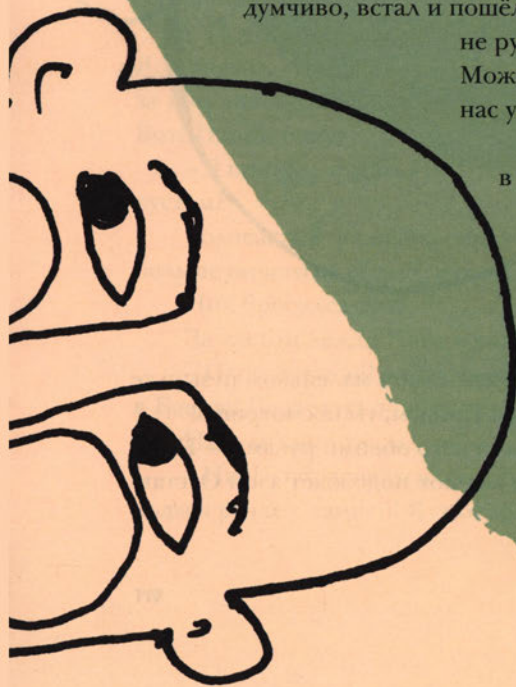
– Он обложил всю Башню дровами и соломой, полил бензином, и если эта куча загорится, наши друзья задохнутся от жары или выбегут, открыв Башню и пустив злого Отставного кондуктора! Он выпустит Зловещего петуха и Трополивые шаги! Не спорь! Ни о чём не спрашивай! Ты не обижайся, но мне никак не сказать иначе: Папс, извини, что ругаюсь, но надо скорее, чтобы успеть вовремя! Сейчас нельзя опаздывать, потому что дело серьёзное!

– Я ещё никуда не успевал вовремя, – сказал Папс задумчиво, встал и пошёл по берегу. – Ты всё-таки больше не ругайся, Ник. Я этого не переношу. Может быть, всё ещё как-нибудь и без нас уладится?

– Папс, они сгорят! – сказал Ник в отчаянии.

Они проходили мимо Головастого мальчика. Папс всё ещё раздумывал. Ему было жаль, что если он успеет к Башне, то больше никогда не сможет похвастать, что никуда не приходил вовремя. Но друзей ему тоже было жаль.

– До свидания! – сказал Ник мальчику.

Тот молча наклонил голову, прощаясь.

– Он немой? – спросил Папс. – Почему он не отвечает?

– Конечно, не твой, – сказал Головастый мальчик. – Я мой. Раз я мой, значит, не не мой.

– Что он говорит? – у Папса от удивления открылся рот.

– Папс, бежим! – дёрнул его за рукав Ник. – Может быть, наши друзья сейчас уже жарятся, а ты еле передвигаешь ноги!

Тем временем вот какие события произошли на площади Спокойствия.

Сначала Отставной кондуктор слышал равномерное гудение за каменными стенами Башни, и был уверен, что защитники Башни совещаются. Но наконец он заволновался: о чём они сговариваются? Почему так долго? Правда, немногие оставшиеся у него под командованием гномы и осы надёжно охраняли входы на площадь. К тому же он знал, что жители города вечно опаздывают. Конечно, думал он, прийти на помощь защитникам Башни они тоже опоздают. И всё же злой Отставной кондуктор спешил поскорее выпустить Петуха и Шаги, чтобы быть уверенным в своей окончательной победе.

– Эй, вы! – закричал он, не выдержав. – Поскорее там!

– Не ругайся! – сказала Черепаха. – Мы совещаемся, и ты нам не мешай!

– Сколько можно совещаться? – спросил злой Отставной кондуктор.

– Столько, сколько нужно, – ответила Черепаха. – Не забывай, что мы не умеем торопиться!

– Учитесь! – сказал злой Отставной кондуктор. – Скоро вы у меня забегаете! Даю вам десять минут сроку!

– Ты же знаешь, что у нас нет часов! – сказала Черепаха. – Во всём городе нет, и даже твои стоят уже много-много лет.

Она с удовольствием поддерживала переговоры – ведь время шло.

– Проклятый город! – сказал злой Отставной кондуктор. – Как же мы установим, сколько ещё вы будете совещаться?

– Давай установим, что мы будем совещаться ровно до тех пор, пока не кончим, – предложила Черепаха. – И не дольше того.

– Дудки! – сказал злой Отставной кондуктор. – Я досчитаю до тысячи, и если вы не кончите, то я подожду кучу!

– До тысячи это очень мало, – сказала Черепаха. – И надо договориться, как ты будешь считать – быстро или медленно?

– Я буду считать быстро, – сказал злой Отставной кондуктор.

– Но ты считай не десятками, не сотнями, а подряд, – сказала Черепаха.

– Это не твоё дело, а моё, – сказал Отставной кондуктор, теряя всякое терпение. – Не мешай мне, я начинаю!

Как он считал, неизвестно, потому что он считал про себя.

– Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять, тысяча! – услышали защитники Башни страшные слова.

Тогда Учитель географии подошёл к амбразуре для последних переговоров – ведь Папса не было!

– Мы кончили наше совещание! – сказал он.

– На каких же условиях вы сдаётесь? – спросил злой Отставной кондуктор. – Хотя я и очень злой сейчас, но мне не хотелось поджаривать вас. Как великому полководцу, мне приятнее, что вы сдались добровольно.

– Мы решили так, – сказал Учитель географии, и голос у него в эту минуту был самый торжественный. – Эта Башня строилась много веков назад, и повредить её – ужасное злодеяние. А от огня

и дыма она, конечно, повредится. И всё-таки мы решили, пусть лучше повредится эта Башня, чем исчезнут с лица земли места, где живут опоздавшие, где селятся те, кто не умеет спешить, кто всюду приходит не вовремя и потому в других местах переживает всяческие неприятности. Мы совещались и решили ещё одну трудную задачу – мы решили, что было бы неплохо, если бы Папс успел вовремя. Для нашего города это неслыханное решение, как ты понимаешь!

– Как я понимаю, – заревел злой Отставной кондуктор, – это значит, что вы не желаете сдаваться и заговариваете мне зубы! Сейчас я поджарю вас в этой Башне, как котлеты на сковородке!

Он выхватил из кармана коробку спичек.

– Что поделаешь, – сказала Черепеха, – он с детства играл с огнём, он был такой гадкий мальчик, что бросал горящие спички в почтовые ящики.

– Что поделаешь, – вздохнули защитники Башни хором, – придётся погибать.

– Вы сможете пролезть потайным ходом, – сказал Старый сказочник. – А мы с Учителем географии слишком большие для этого.

– Нет, – сказала Бабочка, печально глядя на свои яркие крылья. – Гореть, так всем вместе. Вы же не виноваты, что вы большие, и вы будете жалеть об этом, если мы уйдём. А я не хочу, чтобы вы жалели, что большие! Вы же не виноваты в этом!

– Конечно, – сказал Кузнечик сквозь зубы, – гореть, так всем вместе.

Где же Папс и Ник? Что они делают там, на берегу реки?

– Папс, бежим! – сказал Ник. – Может быть, наши друзья сейчас уже жарятся, а ты еле переставляешь ноги!

Папс постоял, подумал, глядя на Ника, потом подхватил его на руки и побежал.

– Ладно, – сказал он Нику. – Поспешу. Первый и последний раз в жизни!

– Я думаю, – сказал Ник, – что когда дело серьёзное, то можно и поспешить.

– Если очень серьёзное, – сказал Папс. – Очень-очень.

– Тебе хочется сейчас спешить? – спросил Ник. – Мне хочется.

– И мне, – сказал Папс, подумав немного. – Теперь уже и мне хочется, когда я всё равно спешу.

– А ты можешь побежать быстрее? – спросил Ник.

– Могу, – сказал Папс и полетел, как реактивный самолёт. Только ветер засвистел в ушах у Ника!

Поддав ногой пару бросившихся ему наперерез гномов, Папс внёсся на площадь.

У Башни времени стоял злой Отставной кондуктор. Спичка, которой он собирался поджечь кучу, уже горела в его пальцах.

Ссавив Ника на землю, Папс ринулся вперёд.

Ойкнув, злой Отставной кондуктор бросился бежать. За ним пустился Мармаджан.

Разлетелись перепуганные осы. Только тринадцать уцелевших гномов построились по два в ряд, один стал во главе, как командир, и закричал:

– Вперёд! Тик-так! Тик-так!

– Что-о? – закричал Папс рассерженно, и от его крика гномы отлетели назад, точно их сдуло сквозняком. Не давая им опомниться, Папс схватил всех и швырнул так сильно, что они взлетели на самый верх Башни. Там они зацепились за её остроконечную крышу и висят до сих пор, как совершенно безвредное украшение.

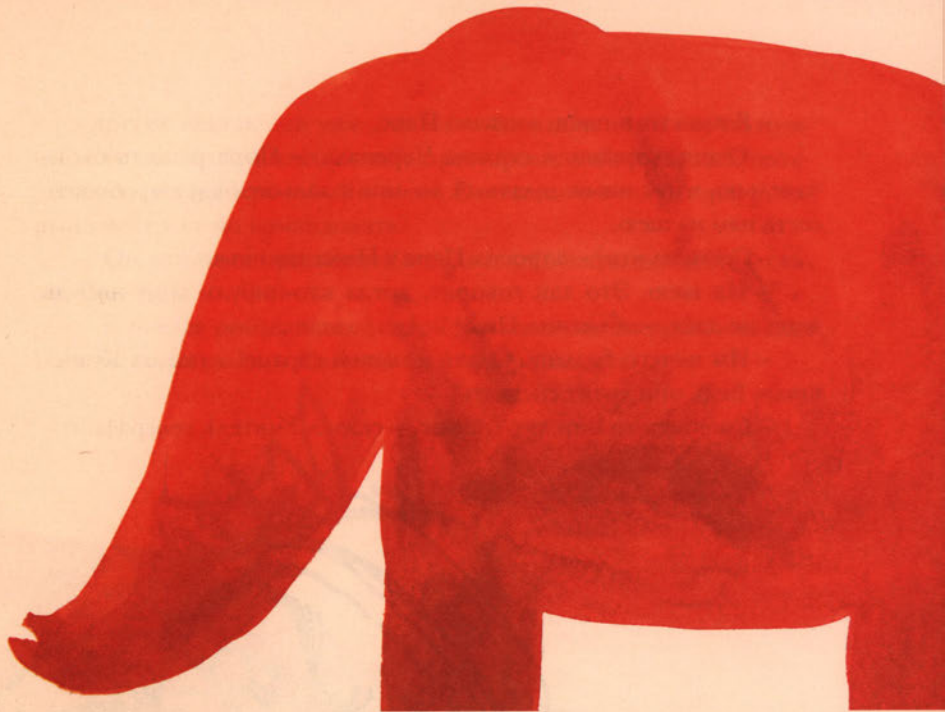
Папс успел вовремя.

Из Башни вышли её защитники. Они весело смеялись, хотя лица их были немного бледные.

Неожиданно на площади появился Противопожарный слонёнок.

– Здравствуйте! – сказал Начальник вокзала, спускаясь на землю по хоботу слонёнка. – Зная гадкий характер Мармаджана я отправился вам на помощь. По дороге повстречал Противопожарного слонёнка, и он меня довёз!

– Мои родственники в Индии никогда не спешат, – сказал Противопожарный слонёнок, – но если надо, они могут обогнать курьерский поезд! Я прочитал об этом в книге.

– Я сейчас! – сказал Папс и убежал. Он тотчас вернулся, ведя перед собой злого Отставного кондуктора и волшебника Мармаджана.

– Я взял их в плен, – сказал Папс.

– Очень хорошо, – сказала Черепаха. – Пора решить окончательно, что с ними делать. А то они и дальше будут пробовать сесть нам на шею.

– Сесть на что? – спросил Папс у Ника тихонько.

– На шею. Это так говорят, когда кто-нибудь кому-нибудь жить не даёт, – объяснил Ник.

– Им нечего больше делать в нашей стране! – сказал Кузнецик. – Ведь они хотят спешить!

– Спешить-то они тут спешат, – сказал Учитель географии, –

но в других местах они уже для всего опоздали и никому не нужны! Кто согласится взять к себе престарелого волшебника, потерявшего колдовскую силу, и злого Отставного кондуктора, который умеет только командовать?

– Он ещё умеет разносить по вагонам всякую всячину, – сказал Ник.

– В поезде опоздавших теперь так мало пассажиров, – сказал Начальник вокзала. – Кому же он будет разносить!

– Нельзя же бросить их на произвол судьбы! – сказал Старый сказочник.

– Что это за штука – произвол судьбы? – спросил Папс.

– Это значит, вероятно, что кто-то будет с ними обращаться, как захочет, – сказал Ник. – Честно говоря, я и сам хорошенько не понимаю, что это такое!

– А кто будет обращаться? – спросил Папс.

– Не знаю, – сказал Ник. – Давай спросим у Черепахи.

– Сейчас неудобно, – сказал Папс. – Пусть остаётся не очень ясно!

– Пускай! – сказал Ник.

Но хотя они говорили тихо, их разговор услышала Бабочка и сказала:

– Это значит, оставить их без всякой помощи!

– А в чём им нужно помогать? – возмутился Папс.

– Очень просто, – сказала Бабочка. – Странно, что ты не понимаешь! Им надо помочь не делать плохо!

– Как можно помочь что-то не делать? – спросил Папс.

– Если у тебя, например, чешется за столом спина, – сказала Бабочка, подумав, – и ты её чешешь за столом, то можно помочь тебе не делать этого, если позволить тебе встать из-за стола.

– Разве у них чешется спина? – спросил Папс.

– Ты ничего не понимаешь, – сказала Бабочка. – Я только привела пример.

– Привела? – спросил Папс.

– Папс, подожди немного, – сказал Учитель географии. – Завтра приходи ко мне, и мы займёмся трудными выражениями.

– С удовольствием, – сказал Папс. – А то мне надоело спрашивать!

– Бросить их нельзя, – сказал Начальник вокзала, – иначе они

натворят новых бед. Дядя! – обратился он к волшебнику Мармаджану. – Может быть, вы согласитесь уйти на пенсию? Вы много столетий работали волшебником, отдохнули бы!

– Я ещё могу кое-что делать, – сказал Мармаджан. – Например, чтобы у детей лопались воздушные шарик.

– От таких мелочей вы только расстраиваетесь! – сказал Начальник вокзала. – Раньше вы вызывали стихийные бедствия, сотни маленьких детей за раз делали злыми. Тогда ни о какой пенсии не могло быть и речи. Но сейчас самое время отдохнуть.

– Кажется, ты прав, – сказал Мармаджан. – Это для всех самый лучший выход.

– Наконец-то! – сказал Начальник вокзала. – Мне было так неприятно, что мой родственник, мой приёмный дядя – злой волшебник. А теперь он будет бывший злой волшебник, а это уже почти прилично!

– А я не пойду на пенсию, – сказал злой Отставной кондуктор. – Мне ещё не хочется.

– Мы слишком долго об этом разговариваем, – сказала Черепаха. – Надоело! Давайте не успеем решить, что с ним делать, и пусть катится на все четыре стороны!

– Катится? На все четыре стороны сразу? – прошептал Папс и грустно посмотрел на Ника, но спросить не решился.

– Опоздаем, опоздаем! – закричали все вокруг.

– Хорошо, – сказал Начальник вокзала, но головой покачал так, что сразу было видно – сильно он сомневается, хорошо это или нет. – Пусть злой Отставной кондуктор поработает ещё в поезде опоздавших, я посмотрю, чтобы он опять чего-нибудь не выкинул.

– Выкинул, – горестно прошептал Папс.

Издали донесся гудок паровоза.

– Это мой поезд! – сказал Ник. – Папс успел вовремя, и мне пора ехать!

– Теперь вы понимаете мою телеграмму? – спросил Начальник вокзала.

– Да, – сказала Черепаха.

– Нет, – сказал Ник. – Я не понимаю, как вы узнали заранее.

– Разноцветные платки, – сказал Начальник вокзала. – Их оставила мне моя мать. Она кое-чему научилась у Мармаджана, когда я из жалости сделал этого дядю своим приёмным. У него всё было злое, кроме безобидного дела – умения предсказывать. Она смотрела в разноцветные платки, и в них предвидела кое-что из будущего. По счастью, у меня хронический насморк, и я часто пользуюсь платками. Иначе было бы неудобно в них подсматривать!

Они пришли на вокзал, где их ждал поезд.

– До свидания, – сказали провожающие хором. – Когда у тебя будет свободное время – приезжай к нам отдохнуть!

– Конечно, – сказал Ник.

Поезд тронулся. Подходили и ещё провожающие, но они опаздывали, как вы понимаете.

Поезд шёл быстро, как и хотелось Нику. Солнце, садясь, пронизало облака малиновыми, зелёными, серебряными лучами и закатилось, и по всему небу протянулись красные полосы – точно кто-то нарисовал солнце во всё небо величиной.

– Мама знает, что я приеду? – спросил Ник.

– Я дал телеграмму, – сказал Начальник вокзала.

– Всё-таки опаздывать плохо, – сказал Ник, помолчав.

– Плохо, – сказал Начальник вокзала. – Но многие дети и даже некоторые взрослые часто этого не понимают. И то время, на которое они опаздывают, девается неизвестно куда. Может быть, они, как и ты, попадают в места, где живут опоздавшие?

– Я еду домой, – сказал Ник.

– Может быть, ты с Глебом ещё совершишь кругосветное путешествие, – сказал Начальник вокзала.

– Не знаю, – сказал Ник.

Они приехали.

Мама подбежала, поцеловала его и сказала:

– Наконец-то, наконец-то! Ну, пойдём, пойдём! Скорее, скорее!

– Мама, не ругайся, – сказал Ник.

КАК МЫ СЛУШАЛИ СКАЗКИ

Борис Вахтин
1930 - 1981

Наверное, мало кому из детей повезло в детстве так, как мне: мой отец, Борис Борисович Вахтин, не только умел, но и любил с нами, детьми, возиться. Обычно это было летом: родители много лет подряд снимали дачу в Зеленогорске.

Неподалёку снимали дачи друзья родителей. Всего нас, детей, набиралось от трёх до семи, и в те дни, когда отец приезжал к нам (вообще-то приезжал редко, работал много), он всегда затевал что-нибудь интересное. То мы строили вигвам и играли в индейцев. То он гасил свет, зажигал свечку и гадал нам – кто кем станет. (До сих пор помню, кто из той детской компании кем должен был стать; и удивительное дело – кое-что он угадал). А то собирал нас всех вокруг себя на диване и рассказывал сказки и всякие истории.

Сказки он рассказывал замечательно. Это и понятно: отец был специалистом по древней китайской литературе и фольклору – то есть как раз «специалистом по сказкам», пусть и китайским, а кроме того, он был переводчиком и писателем: писал в юности стихи, во взрослом возрасте – повести и рассказы, очень, по-моему, талантливые. Поэтому, когда мы собирались вокруг него, а он начинал: «Была тёмная ночь, и фонари едва светили сквозь дождь, когда чёрная карета, запряжённая шестёркой вороных лошадей, прогрохотала по мощённому булыжником мосту и влетела в предусмотрительно открытые ворота замка...» – мы замирали в ожидании чуда. И чудо каждый раз происходило.

Было это больше полвека назад – но велика сила слова. Отца давно нет в живых, тогдашние дети выросли и постарели, а сказки – вот они, в книге. И его голос зазвучит снова, и теперь уже в ваших головах задвигаются и заговорят и Отставной кондуктор, и Силач Папс, и Злой волшебник Мармаджан, и вечно спешащая Мама, и Ник, и прочие герои этой сказки...

В книжке, которую вы только что прочитали, с виду только одна сказка – про Страну Опоздавших, но на самом деле их там несколько: кроме главной, есть ещё истории, которые там, внутри главной сказки, рассказывает Старый сказочник. Вообще-то историй было много, но когда отец решил записать сказку про Страну Опоздавших, он вставил в неё не все истории, а только некоторые. Остальные не записаны – но они живут в нашей памяти, в памяти тех детей, которые давно уже стали взрослыми.

Николай Вахтин

Глава первая

Разноцветные платки Начальника вокзала

4

Глава вторая

Неудачный поэт и Старый сказочник

20

Глава третья

Шестьдесят сантиметров в час

37

Глава четвёртая

Бой на дальних баррикадах

56

Глава пятая

Тайна злого Отставного кондуктора

66

Глава шестая

Дело дрянь

84

Глава седьмая

Папс успевает вовремя

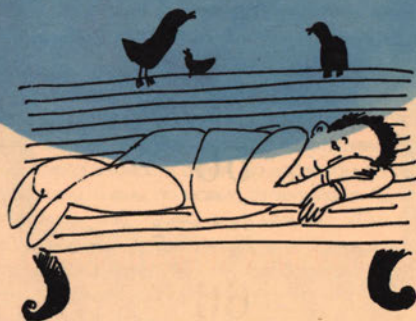
106

с е р и я « С к а з о ч н ы й г о р о д »

Борис Вахтин
Через места,
где живут опоздавшие

Художники Катя Толстая, Настя Фомичёва

Редакторы М. Яснов, А. Насонова
Художественный редактор А. Филиппов
Технический редактор В. Лысов

Подписано в печать 01.10.2011. Формат 84х108/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8

Тираж 5 000 экз. Заказ № 26452

Издатель: ОАО «Издательство детской литературы «ДЕТГИЗ»
191180, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 78.
Тел. (812) 312-51-27. www.detgiz.spb.ru

ISBN 978-5-8452-0457-8

© Борис Вахтин, наследники, текст, 2011

© Катя Толстая, иллюстрации, 2011

© Настя Фомичёва, дизайн-макет, 2011

© ДЕТГИЗ, 2011

Отпечатано по технологии СІР в ОАО «Первая Образцовая типография»,
обособленное подразделение «Печатный двор»,
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

